

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ ДИСКУРС-ИССЛЕДОВАНИЙ (МАДИ)

**СВЕРДЛОВСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ
АССОЦИАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ (РАПН)**

МОБИЛЬНОСТЬ КАК ИЗМЕРЕНИЕ МЯГКОЙ СИЛЫ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ДИСКУРС

**Материалы
Всероссийской научно-практической
молодежной конференции
17 октября 2018 г.**

Научное электронное издание

Издательский Дом «Дискурс-Пи»

Екатеринбург 2018

УДК 327+141.411

Издание подготовлено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-311-10014мол_г «Проект организации Всероссийской научно-практической молодежной конференции «Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс».

МОБИЛЬНОСТЬ КАК ИЗМЕРЕНИЕ МЯГКОЙ СИЛЫ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ДИСКУРС: материалы Всероссийской научно-практической молодежной конференции (Екатеринбург, 17 октября 2018). Научное электронное издание / Ред. О.Ф. Русакова, Д.М. Ковба — Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2018. – 110 с.

ISBN 978-5-98728-045-4

Материалы Всероссийской научно-практической молодежной конференции «Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс» (17 октября 2018 г.) посвящены современным исследованиям феномена мобильности как измерения мягкой силы и фактора политических трансформаций в условиях возрастания глобальных и региональных вызовов, ускорения коммуникативных процессов.

Авторы материалов несут полную ответственность за их содержание, за соблюдение законов об интеллектуальной собственности и за сам факт их публикации. Редакторы и издательство не несут ответственности перед авторами и / или третьими лицами и / или организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Издание размещено на сайтах <http://www.ifp.uran.ru/> madipi.ru, в научной электронной библиотеке elibrary.ru и зарегистрировано в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) по договору № 1152 - 04 / 2015К от 2 апреля 2015 г.

ISBN 978-5-98728-045-4

© Институт философии и права УрО РАН, 2018

© Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2018

© Коллектив авторов, 2018

Содержание

Абрамова М.Г. , Попова А.В. Философия образования как способ измерения «мягкой силы».....	8
Бабкин А.А., Федосеева А.А. Тормоза мобильности или существующие проблемы ЭУ в Волгоградской области.....	11
Батищев Р.Ю. Русская Православная Церковь как актор российской «мягкой силы» на постсоветском пространстве.....	12
Брайцева С.В., Арпентьева М.Р. Век мобильности: проблема насильственных и ненасильственных типов межкультурных отношений.....	14
Булдаков М.В. Анализ освещения в СМИ химической атаки в Сирии в августе 2013 г. с точки зрения теории миротворческой журналистики: сравнение «RT» и «Нью-Йорк Таймс».....	18
Бурмейстер В.А. Мобильность в контексте развития человеческого потенциала.....	19
Васильева С.А. Применение стратегии «мягкой силы» в региональном масштабе: турецкий опыт.....	20
Володенков С.В. Цифровая мобильность как феномен современного информационного общества.....	22
Гайдай Г.В. Концепт мобильности в теории маркетинга взаимоотношений.....	25
Глазырина А.А. Участие регионов Франции в международных проектах по развитию низкоуглеродной экономики.....	27
Грибовод Е.Г. Дискурс мобильности и медиатизация политики: от традиционных масс-медиа к новым СМИ.....	28
Двойненко М.О. Образ врага как форма мобилизации общества через призму политического дискурса современной России.....	31
Джанаева А.Э. Современный научный дискурс «мягкой силы» в зарубежной и отечественной литературе.....	32

Дружинин Г.В. Корпорация как феномен социальной мобильности личности.....	33
Дьякова Е.Г. Общественно-консультативные органы при исполнительных органах власти как инструмент мобильности.....	34
Желнин А.И. «Мягкая сила» миграции в аспекте трансформации биовласти в биополитику.....	36
Карташева А.А. Книгоиздание как инструмент культурной политики: «умная сила».....	37
Каскевич Е.В. Академическая мобильность как условие развития этнической толерантности обучающихся высшей школы.....	39
Ковба Д.М. Международные коммуникации: дипломатия в эпоху цифровых технологий.....	40
Кокорева А.И. Научная дипломатия и академическая мобильность как элемент «мягкой силы».....	44
Краева Д.С. Скорость предоставления государственных услуг как критерий мобильности управления: российский и зарубежный опыт.....	45
Куприянов В.А. Наука как инструмент мягкой силы в политической философии русского классического либерализма.....	46
Лазарева К.В. Наука и образование как атрибут успеха стратегии Soft power Республики Корея.....	47
Лескина Н.В. Сетевые университеты как фактор политической трансформации на постсоветском пространстве.....	48
Луньков А.С. Мобильность современной войны: от мягкой силы до грубого насилия.....	50
Макаревич А.В. Социокультурная мобильность молодёжи как атрибут современного развития общества.....	51
Малаткурова М.С. Образовательная дипломатия и культурные проекты европейских регионов (академическая мобильность, туристические и культурные проекты европейских регионов).....	53
Моисеенко Я.Ю. «Мобильный поворот» в современной политической	

философии: методологические горизонты.....	54
Никитина А.С. Государственная инфраструктура облачных IT-технологий как основа информационной мобильности современного государственного управления.....	55
Оболкина С.В. Онтологический контекст мобильности.....	56
Паляева А.М. Временная мобильность социальных институтов. На примере института образования.....	57
Петрова А.И. «Soft-power» российских СМИ и внутренняя мобильность: повышение привлекательности внутреннего туризма через стратегии «мягкой силы».....	58
Полюшкевич О.А. Социальная мобильность среднего звена государственных служащих: история без перспективы или перспективы истории?	59
Постников В.Д. Реализация прав языковых меньшинств на примере итальянских регионов.....	60
Пружинин А.Н. Роль академической мобильности в воспроизводстве человеческого капитала.....	61
Раюллина Т.Г. Культурная дипломатия ЕС в странах Латинской Америки.....	63
Ромашкина А.Б. Культурная дипломатия ЕС в странах Латинской Америки. Инструментальный потенциал новых коммуникативных технологий в сфере современной политики.....	65
Русаков В.М. Дискурс мобильности в контексте современной антропологической катастрофы.....	66
Русакова О.Ф. Мобильность как значимая характеристика мягкойсилы: концептуальные аспекты.....	69
Сакаев В.Т. Международные миграции как фактор политики в принимающих странах.....	73
Сатыбалдина Д.К. Мобильности: история, развитие, трансформации...	74
Слюсарев В.В. Мобильность и государство как социальное	

противоречие.....	76
Спиридонова А.А. Мобильность и преемственность государственной службы в Российской Федерации.....	77
Столетов О.В. Молодежная дипломатия как инструмент «мягкой силы» современной России: к новому качеству информационной мобильности.....	79
Строганов В.Б. Политическая ризоморфизация Интернета как форма «мягкой силы».....	82
Сущенко А.Д., Судакова А.Е. Интеграционные процессы стран ЕАЭС: как они влияют на мобильность иностранных студентов в РФ?	84
Табаринцева-Романова К.М., Ушакова А.Б. Участие итальянских регионов в культурной политике Европейского союза.....	85
Тернов Н.М. Изменение концепции внешней политики РФ как новый взгляд на мягкую силу в Центральной Азии.....	87
Ткач Д.Н. Влияние областей и городов Италии на формирование национального потенциала «мягкой силы».....	88
Ткаченко О.Е. Мобильность миграции: сила или слабость развития государства.....	90
Трахтенберг А.Д. Парадокс электронного правительства: есть ли отдача от затрат?	91
Тупоногова К.Ю. Испанский язык как инструмент мягкой силы Мексики в США.....	93
Уланова Г.В. Наука и образование как ресурсы мягкой силы в контексте международного сотрудничества (на примере деятельности Калмыцкого государственного университета).....	94
Успенских Т.А. Культурная политика ЕС в Средиземноморье: пример эффективности?	95
Харланова Ю.В. Высшее образование в России как ресурс мягкой силы в контексте мобильности.....	96
Хорошкевич Н.Г., Кунгурцева С.А. Совершенствование	

законодательства об опеке и попечительстве над несовершеннолетними гражданами в России в контексте исторического развития общества.....	98
Цуканов Л.В. Научная мобильность в связях КНР – ЕС: проблемы и Перспективы.....	99
Шаяхметова И.З. Государственное регулирование миграции как ограничение мобильности населения в СССР в 1920 – 1930-е гг. (на примере Южного Урала).....	100
Шибаршина С.В. Научные социальные онлайн-сети в контексте «цифровой мобильности».....	102
Шульга Д.П. Гибкая сила в раннесредневековом Китае (по материалам трактата «Вертоград полководца»).....	105
Шушакова В.С. Международные коммуникации: факторы мобильности в контексте мягкой силы.....	106
Юнгус Г.А. Мобильный переход от конфликта к солидарности: урегулирование конфликта посредством медиации.....	107
Ямщикова В.А. Пьемонте в климатической дипломатии. Участие Турина в Стратегии устойчивого развития ЕС. Проект Life DERRIS.....	109

Абрамова Марианна Григорьевна,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры государственной политики факультета политологии,
МГУ им. М.В. Ломоносова,
г. Москва,
E-mail: abramova-m@mail.ru

Попова Анна Владиславовна,
доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент,
профессор Департамента правового регулирования
экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации»,
профессор кафедры конституционного права
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»,
г. Москва,
E-mail: anna0710@yandex.ru

Философия образования как способ измерения «мягкой силы»

В традиционный нарратив «мягкой силы» политологи лишь совсем недавно начали включать образование и науку. Между тем, эти сферы обладают такой спецификой, которая способствует как широкому охвату, так и глубокому проникновению «мягкой силы» в когнитивный домен.

Еще в 2005 г. об этом говорилось во всемирном Докладе ЮНЕСКО «К обществам знания» (Towards knowledge societies). В нем отмечалось, что коммерциализация знаний в информационном обществе представляет собой реальную угрозу для разнообразия «когнитивных культур», так как «информация – инструмент знания, и сама по себе она знанием не является». Выход из этого положения авторы доклада видели в распространении концепции социального и гуманитарного развития человечества, в соответствии с которой в конце первого десятилетия XXI в. должен произойти переход от «информационного общества» к «обществам знания».

Происходит ли этот переход? Думается, что, напротив, наиболее успешной оказалось применение «мягкой силы» именно в образовании и науке посредством Болонского процесса. Многие современные образовательные и научные практики, повсеместно распространяющиеся, например, в качестве всеобщих наукометрических индикаторов (цитирование в зарубежных базах данных) или абсолютизации дистанционных методов при сокращении аудиторных форм обучения, рейтинговых подходах и тестировании как основных механизмов контроля знаний, стали широко распространяться в российском образовании именно после присоединения России к Болонскому процессу. Не отрицая некоторых положительных характеристик данного процесса, а именно – возможности научного и

педагогического обмена, думается, что центральной задачей Болонского процесса сейчас уже можно с уверенностью назвать насильственное включение российской системы образования в глобальную с целью отказа от традиционной системы. Традиционность в этом случае понимается, прежде всего, как такая философия образования, которая отвечает понятию «знание», а оно, в отличие от категории «информация», имеет морально-этический компонент, заключающийся в соотношении свободы и ответственности. Концепция общества, основанного на этом принципе, была предложена еще в 60-70-х гг. XX в. Р. Хатчинсоном и Т. Хусеном как «общество обучающегося» (learningsociety). Похожая модель «общества знания» (knowledgesociety) выдвинута П. Дракером. В них сверхзадачей индивида ставилось «научиться учиться».

Сейчас же, в условиях абсолютизации «информации», а не «знания» у учащихся разных уровней повсеместно заметны неразвитость интеллекта, отсутствие критического восприятия информации, поверхностность, неспособность прогнозирования, а избыточный объем информации зачастую приводит их к иррациональным решениям, влекущим самые неблагоприятные последствия. Развитие информационного общества, начавшееся в европейских странах со второй половины XX в., уже в XXI в. стало вызывать опасение у экспертов ЮНЕСКО.

Особо следует сказать о поколенческих разрывах относительно философии образования. Еще в 1991г. американскими исследователями У. Штраусом и Н. Хоувом были описаны различные поколения людей. Адаптацию Теории Поколений для России в 2003-2004 гг. выполнила команда под руководством Евгении Шамис – координатора проекта Rugenerations (поколения бэби-бумеров, X, Y и Z), которая еще раз подтверждает вывод о том, что абсолютизация «информационной» модели образования может привести к тому, что человек будет не обладать информацией и использовать ее по собственному усмотрению, а информация поглотит человека.

Негативные оценки информационного общества обоснованы все более углубляющимся социальным неравенством, имеющим, в первую очередь, цифровой (количественный), а во вторую – когнитивные показатели. Цифровое неравенство выражается в том, что среди граждан даже одной страны существует неравный доступ к информации. В результате большие группы граждан находятся в самом неблагоприятном положении: они не только имеют ограниченный доступ к информации или к знаниям, но и усваивают гораздо меньше информации и знаний, чем категории, занимающие более высокое положение на социальной лестнице.

Второй феномен информационного общества – когнитивное неравенство – заключается в том, что при равном доступе к знаниям, объем сведений, усваиваемый лицами, имеющими более высокий уровень образования, значительно выше, чем у тех, кто не имел или имел ограниченный доступ к образованию. Таким образом, повсеместное

распространение знаний не только не сокращает разрыв не только между более и менее передовыми странами, но и отдельными людьми, а может и увеличивать его. Когнитивный разрыв развивается не только в рамках одного государства (между различными группами лиц – мужчинами и детьми, поколениями людей, гражданами и мигрантами и др.), но и между странами и даже континентами. Подобный разрыв проявляется, прежде всего, в «утечке мозгов» не только из экономически слабых государств, но и из развитых стран в «центры интеллектуальной миграции» - Великобританию и США.

Перед российским государством сейчас остро стоит проблема создания цифровой экономики. Однако, представляется чрезвычайно важно, чтобы при ее создании были четко сформулированы основные идеи той философии образования, на которой будет выстраиваться здание этой новой экономики. Для России как никогда актуальна задача отказа от внедряемой «мягкой силой» «информационной» модели образования и переход к «обществу знания». Эта модель в состоянии обеспечить социальную интеграцию каждого из своих членов и способствовать развитию новых форм солидарности – как по отношению к нынешним поколениям, так и к будущим и сохранить основные нравственные, гуманитарные ценности.

Список литературы

1. Всемирный Доклад ЮНЕСКО «К обществам знания» (Towards knowledge societies). - Париж: Изд-во Юнеско, 2005. - 240 с.
2. World Summit on the Information Society. First Phase of the WSIS (10-12 December 2003, Geneva). Geneva Declaration of Principles. Second Phase of the WSIS (16-18 November 2005, Tunis). Tunis Agenda for the Information Society. WSIS+10 Statement on Implementation of WSIS Outcomes and the WSIS+10 Vision for WSIS Beyond 2015 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.itu.int/wsis/index.html> (дата обращения 15.04.2018).
3. Бунина В.Г. От информационного общества к обществам знания: международные документы об управлении в сфере образования // Право и управление. XXI век. - 2008 - № 2(7). – С. 43-48
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Пер. с англ. под научн. ред. О. И. Шкаратана. - М.: ГУ-ВШЭ, 2000;
5. Теория поколений в России [Электронный ресурс] // URL: <http://rugenerations.ru/> (дата обращения 15.04.2018).
6. Сапа А.В. Поколение Z - поколение эпохи ФГОС // Инновационные проекты и программы в образовании. – 2014. – № 2. – С. 24-30.
7. Величко М.В., Ефимов В.А., Зазнобин В.М. Экономика инновационного развития. Управленческие основы экономической теории. – СПб.: СПб ГАУ, 2015. – 358 с.

Бабкин Александр Александрович,
студент,
Волгоградский государственный университет
г. Волгоград,
E-mail: s4p4@yandex.ru

Федосеева Алина Алексеевна,
студентка,
Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград,
E-mail: fedoseeva97_97@mail.ru

Тормоза мобильности или существующие проблемы ЭУ в Волгоградской области

С развитием и увеличением пользователей сети Интернет появилась возможность использования еще одного эффективного канала коммуникации государственных и муниципальных органов управления с гражданами. Данная практика способствует развитию демократизации, поскольку расширяются методы воздействия гражданского общества на государственный аппарат, что способствует повышению его мобилизационного свойства.

В научном сообществе операционализация понятия электронного участия имеет множественный подход. В этой работе под данным термином понимается, процесс двусторонней коммуникации между представителями государственной власти разных уровней и гражданами с использованием сети Интернет. В сфере электронного участия применяются информационно-коммуникационные технологии для привлечения различных социально-демографических групп общества в сферу публичной политики и развития новых каналов, и форм интеракции с органами власти на всех уровнях.

Анализ отечественной реализации практики электронного участия показывает, что не весь перечень возможностей ЭУ и инструментов обратной связи используется на сервисах представляемыми теми или иными политическими институтами РФ. Изучив имеющиеся исследования в данной области, на их основе обобщён ряд существующих причин, выступающих в качестве тормозящих факторов развитие ЭУ в России, каждый из которых имеет разную природу происхождения. 1. причины «социального» характера; 2. причины управленческого характера; 3. методологические причины.

Необходимо проанализировать развитие ЭУ на региональном уровне, эмпирические исследования, проводимые, на примере Волгоградской области демонстрируют общероссийские тенденции, но в ходе изучения экспертного опроса была выявлена специфика практики реализации ЭУ в регионе. По мнению респондентов, у населения Волгоградской области имеется меньше возможностей ЭУ, чем у других граждан РФ в целом.

Наиболее популярными в Волгоградской области инструментами ЭУ являются два наименее интерактивных – опросы населения при использовании ИКТ и предоставление доступа к информации. Для выстраивания двусторонней коммуникации с гражданами чиновники данного региона не используют весь доступный перечень ИКТ, отдается предпочтение технически простым и традиционным средствам взаимодействия.

Концепция электронного участия граждан предполагает наличие двусторонней коммуникации и оперативной обратной связи со стороны государственного аппарата, свойство мобильности и ее уровень зависит от полноты используемых методов, механизмов и инструментов ЭУ. На основе анализа использования ЭУ на государственном и региональном уровне в России, следует вывод, что для развития мобильности государственного аппарата на всех уровнях, необходимо устранение тормозящих факторов, как со стороны государственного управления, так и со стороны социума.

Батищев Роман Юрьевич,
магистрант,
Липецкий филиал Российской академии
народного хозяйства и
государственной службы,
г. Липецк,
E-mail: romanbatishhev@rambler.ru

Русская Православная Церковь как актор российской «мягкой силы» на постсоветском пространстве

Как известно, сегодня реализация тех или иных стратегий использования «мягкой силы» во многом опирается на участие негосударственных акторов. Одной из главных площадок реализации этих является гуманитарное сотрудничество, дающее широкий простор для деятельности различных негосударственных акторов, в том числе, для религиозных учреждений.

Русская Православная Церковь располагает значительными символическими и идеологическими инструментами, кроме того, можно говорить и о существовании её определённой политико-идеологической доктрины [1]. Введение в 1990-е годы понятия «канонической территории» РПЦ, выходящей за пределы Российской Федерации, а также падение идеологических барьеров после распада СССР побудили руководство Церкви выработать систему работы с паствой, оказавшейся за рубежом, значительную долю которой составляло русское православное население как стран Запада (потомки эмигрантов), так и «ближнего зарубежья». Уже в 2000-е годы на проблему русских и русскоговорящих жителей

постсоветского пространства обратило повышенное внимание и государство [5]. Усилия по воссоединению разделённого русского народа в наиболее ярких формах проявились в 2014 году, с началом «Русской весны» в Крыму и на Юго-Востоке Украины.

На сегодняшний день можно констатировать совпадение внешнеполитических доктрин Российской Федерации и Русской Православной Церкви в части интеграции на постсоветском пространстве. Концептуальным основанием внешней политики и Церкви, и государства в этом направлении является идея Русского мира [2] – международного сообщества людей, объединённых своей причастностью к России, к её исторической судьбе, к русскому языку и к русской культуре [7]. Фундаментальным элементом этого особого рода идентичности во многом является именно культурно-религиозная принадлежность к православию [4].

Формирование Русского мира как транснациональной идентичности людей произошло в XX веке в 2 этапа: так называемый «старый» Русский мир оформился после Октябрьской революции и массовой эмиграции из Советской России, «новый» Русский мир – следствие распада СССР и попытка сохранить идентичность народа, разделённого новыми государственными границами [6]. В этой связи необходимо отметить, что значительные усилия по консолидации Русского мира прилагала и прилагает именно Церковь, ставшая в последние годы одним из главных проводников этой концепции и, как следствие, важным актором российской внешней политики [3].

В контексте консолидации Русского мира важной датой можно считать 2007 год, когда был подписан «Акт о каноническом общении» между Московским Патриархатом и Русской Православной Церковью за рубежом. Усилия по внешнеполитической работе РПЦ обусловлены также и фигурой патриарха Кирилла, до своей интронизации возглавлявшего Отдел внешних церковных связей, а в нынешней должности уделяющего большое внимание общению с дружественными лидерами на постсоветском пространстве (И.Н. Додон, А.Г. Лукашенко, Н.А. Назарбаев).

Таким образом, одна из ключевых стратегий российской «мягкой силы» на постсоветском пространстве во многом опирается на имиджевые и символические ресурсы Русской Православной Церкви, а концептуальной основой служит во многом религиозная по содержанию идея Русского мира.

Список литературы

1. Жданова Т.Ю. Русская Православная Церковь и идеологическое проектирование в современной России: предпосылки, реализация, перспективы/Общество: политика, экономика, право. 2011. №4. – С. 33 – 37.
2. Зевелёв И.А. Границы русского мира. Трансформация национальной идентичности и новая внешнеполитическая доктрина России // Россия в глобальной политике. 2014. №2. URL: <http://globalaffairs.ru/number/Granitsy-russkogo-mira--16582>

3. Касаткин П.И. Русская православная церковь как актор современной мировой политики / П.И. Касаткин // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 6 (15). – С. 141-151.

4. «Слово на обновление десятинной церкви» (Предисловие и подготовка текста – С.В. Перевезенцев. Перевод с древнерусского языка Ю.А. Бегунова) // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/35613.php>

5. Страны СНГ. Русские и русскоязычные в новом зарубежье: информационно-аналитический бюллетень. №169. – М.: Институт стран СНГ, институт диаспоры и интеграции, 2007. – 210 с.

6. Тишков В.А. Русский мир: смыслы и стратегии// официальный сайт ГБУ «Московский дом национальностей», 2007. URL: http://mdn2011.web.belti.ru/cntnt/blocksleft/menu_left/nacionalny/publikacii2/stati/va_tishkov3.html

7. Щедровицкий П.Г. Русский Мир и Транснациональное русское // Аналитический портал «Гуманитарные технологии». 2006.URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2508>

Брайцева Светлана Владимировна,

магистрант,

Калужский государственный университет

имени К.Э. Циолковского,

г. Калуга

E-mail: mariam_rav@mail.ru

Арпентьева Мариям Равильевна,

доктор психологических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии естествознания (РАЕ),

профессор кафедры психологии развития и образования,

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского

ведущий научный сотрудник кафедры теории и методики физического

воспитания Югорский государственный университет,

Калуга, Ханты-Мансийск, Ханты-Мансийский Автономный округ – Югра,

E-mail: mariam_rav@mail.ru

Век мобильности: проблема насильственных и ненасильственных типов межкультурных отношений

Современный век (age of mobility) – век повышенной мобильности. На пороге третьей мировой войны страны и сообщества ищут ненасильственные или наименее разрушительные способы выживания и взаимоотношений. К ним относится и «мягкая сила» (soft power) миграций. Миграционные процессы с конца XX века все набирают интенсивность и разнообразие,

вместе с ними умножаются и теории миграций. По мнению Т.Ф. Кузнецовой и ряда иных исследователей, рассмотревших наиболее известные теории взаимодействия культур (Н.Я. Данилевского, А. Дж. Тойнби, П.А. Сорокина, С. Хантингтона), можно выделить ряд более или менее пересекающихся и более или менее ненасильственных типов межкультурных отношений [1; 2; 3]:

1) по линии культурных «трансгеографических» ориентаций вестернизация или колонизация (европеизация и американизация), овосточивание культур, существование и формирование «третьих культур» и взаимодействие с ними,

2) по линии модернизации и слияния культур и производства – модернизация, глобализация как мондиализация, и креолизация / транскulturализация.

Все эти процессы взаимного влияния культур характеризуются определенным соотношением насилия и ненасиления [4; 5].

Дискуссия. Вестернизация как процесс выражено насильственный, колониалистический, предполагает перенос элементов западной культуры в другую культуру, сопровождающийся подрывом традиционных основ последней («глокализация» как явление, сметающее иные культуры и распространяющее западные институты по всему миру по Э. Гидденсу, «пересадка» - перенесение культур с одного места на другое посредством колонизации и «прививка» развитие новой культуры за счет основной в концепции Н.Я. Данилевского) [6;7]. Овосточивание культур — влияние культур Востока на культуру Запада, долгое время в XX веке было неагрессивным, в другие века – проникновение восточных культуры шло вместе с завоеваниями, по мере успешности или неуспешности таковых. Такое взаимодействие представляется в целом ненасильственным, в силу незначительного масштаба и изменчивости влияния: проявляется в стилях моды, художественной культуры, в интересе к научным, образовательным взглядам и культурным доктринам и искусству не западных ученых, писателей, художников и т.д. Однако, активные действия многих стран востока на мировой арене (Китай, Индия, Корея, Турция) и массовые миграции из стран цветных революций в начале нынешнего века и превратили третьи страны в конкурентов «первых», а «беженцев» - в захватчиков: наступил культурный реванш колониализма, в том числе связанный с привнесением ограничений и предписаний восточных культур в жизнь европейских народов. Интересно также наличие «третьих культур» по М. Фезерстоуну – или культурных «мостов», культур-маргиналов, культур-эклетик (транскultur), «пограничных цивилизаций», которые нельзя отнести ни к западной, ни к восточной (российская, латиноамериканская, африканская культуры). Взаимодействие с ними выступает продуктивным смешением своего и чужого, в большей степени ненасильственно. Их существование в целом ненасильственно в отношении влияния на соседние и собственные народы и сообщества.

Модернизация – «вариант развития, совершенствования, накопления позитивных качественных изменений, которые связаны с ростом, накоплением количественных изменений (экономических, социальных, демографических, культурных и других)» как «благотворное воздействие более развитой цивилизации на менее развитую», при котором сохраняется самобытность последней (тип «почвенные удобрения»), согласно теории Н.Я. Данилевского; взаимодействие по типу «вызов» - «ответ», при котором одна из цивилизаций создает для другой ситуацию уязвимости, а другая способна превратить это негативное влияние в стимул (тип «столкновение цивилизаций-современниц»), согласно А. Дж. Тойнби; тесное объединение разнородных, но находящихся в одном пространстве, элементов культуры, связанных не только этим пространством (тип «косвенная ассоциация под воздействием общего внешнего фактора»), согласно П.А. Сорокину; преобладающее влияние одной цивилизации на другие, при сохранности исконно национальных ценностей и институтов (тип «взаимодействие и образование мультицивилизационных систем»), согласно С. Хантингтону. Модернизация - не насильственна: направлена не на разрушение, а на преобразование культур [8; 9].

Э. Гидденс рассматривает глобализацию как продолжение модернизации: современности (modernity) внутренне присуща глобализация: интенсификацию распространяющихся на весь мир социальных отношений, которые «связывают удаленные места (localities) таким образом, что локальные события формируются событиями, происходящими за много миль от них, и наоборот» [9, р. 64]. Глобализация трактуется двойственно [9; 10; 11]. Например, в духе «захлавленного чердака» П. Сорокина или в духе максимальной смысловой (культурной) интеграции. Она также трактуется как мондиализация – принудительное объединение стран и формирование однополярного мира, в котором бесчинствует государство с его правоохрнительными институтами и мальтузианская, компрадорская буржуазия (ТНК), занимающаяся системным геноцидом, наращиванием систем управления (тотальное порабощение и насилие на всех уровнях жизни, формированием людей-слуг и людей-господ - сценарий «матрицы»). Р. Робертсон выявляет две направленности глобализации: 1) глобальная институционализация жизненного мира, организация повседневных локальных взаимодействий и социализации непосредственным воздействием макроструктур мирового порядка (экспансия «общечеловеческих ценностей», распространением стандартных символов, эстетических и поведенческих образцов глобальными сетями СМИ и ТНК; 2) локализация глобальности [11 р. 15-17], тенденция становления глобального через локальное, через превращение взаимодействия с представителями иных государств и культур в рутинную практику, через включение в повседневную жизнь элементов инонациональных, «экзотических» локальных культур. Она не уменьшает разнообразие культур, но даже увеличивает его: возникает «глокализация». Глобализация может выступать как «транслокализация», она обуславливает

и де-локализацию, и ре-локализацию: соотносительность и взаимопроникновение глобального и локального, сочетание тенденций к гомогенности и к гетерогенности. А. Аппадурай рассматривает глобализацию как детерриториализацию – утрату привязки социальных процессов к физическому пространству, становление транснациональных и диаспорных сфер публичной жизни людей, более или менее связанных с исходными, территориально определенными публичными сферами соответствующих наций, но обладающих собственной и достаточно автономной динамикой [12, р. 301]. Креолизация или гибридизация – производство глобальных культур как «культурной смеси» (смешанные формы кооперации и развитие транслокальных культур) описана У. Ханнерцом, Дж. Фридманом и Я. Питерсом. Развитие «глокальных» культур в условиях глобализации связано с тем, что они, будучи не привязаны ни к месту, ни ко времени, приходят к ре-локализации: в глобальных рамках по-новому открывают свои культурные особенности и/или настойчиво транслируют их через фундаменталистские движения и протесты. Это «смешанные времена сосуществования предсовременности, современности и постсовременности. «Креолизация» особенно актуальна для мультикультурализма, предполагает культурное многообразие, базирующееся не на автономии культур, а на их связях: при «креолизации» речь идет не просто о «культурном плюрализме», а об «организованном культурном многообразии» [10].

В работах самых разных, в том числе величайших представителей культуры и науки, встречается указание на необходимость постоянного ограничения государственной «монополии» принимать жизненно важные для людей решения за них и вместо них, опираясь лишь на собственные интересы и пропагандируя насилие как единственную форму отношений людей. Важно дать возможность сообществам договариваться внутри самих себя и между собой напрямую, не применяя насильственных мер и занимая политику поддержки транскulturализма – приятия и согласования всех возможных и вынужденных вариантов бытия.

Список литературы

1. Апресян Р.Г. Политическая социология ненасилия Дж. Шарпа // Социальные конфликты: Экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып. 8. М., 1995. С. 234-246.
2. Вшивцева Л.Н. Ненасилие в культуре современного российского общества: дисс... канд. философских наук. Ставрополь, Ставроп. гос. ун-т, 2008. 158 с.
3. Кузнецова Т.Ф. Социокультурные взаимодействия и межкультурные коммуникации // Философские науки. 2003. - № 5. С. 129-135.
4. Мир / Peace: Альтернативы войне от античности до конца Второй Мировой войны. Антология. Отв. ред.: Ч. Лэтфилд, Р.М. Илюхина. М.: Наука, 1993. 349 с.

5. Цатурян, С.А. Ненасильственная революция. От теории к практике: монография. Москва : РУДН, 2015. 280 с.
6. Albrow M. The global Age. Stanford: Stanford University Press, 1997. - 246p.
7. Gallaher, C.; Dahlman, C.T.; Gilmartin, M.; Mountz, A.; Shirlow, P. Key Concepts in Political Geography. London: SAGE, 2009/2014. P. 392.
8. Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. N.Y., 2004. P. 87.
9. Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford, 1990
10. Hannerz U. Transnational Connections. London: Routledge, 1996. 290 p.
11. Robertson R. Mapping the Global Condition: Globalization as the Central Concept // Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity. Ed. by M. Featherstone. London, 1990. 304 p.
12. Appadurai A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // Global Culture. Ed. by M. Featherstone. London, 1990.

Булдаков Максим Викторович,
магистрант,
ФГБОУ ВО «ИГУ»,
г. Иркутск,
E-mail: maxim.buldakov1@gmail.com

**Анализ освещения в СМИ химической атаки в Сирии в августе 2013 г.
с точки зрения теории миротворческой журналистики:
сравнение «РТ» и «Нью-Йорк Таймс»**

Военный конфликт в Сирии представляет большую опасность для всех его вольных и невольных участников, начиная от мирных жителей и заканчивая мировым сообществом, которому приходится иметь дело с последствиями продолжающегося гуманитарного кризиса в стране. В конфликт вовлечены США и Россия, которые поддерживают противоборствующие стороны.

Современные военные конфликты, особенно если в них участвуют крупные мировые державы, как правило, сопровождаются противостоянием в информационном пространстве. Часто такое противостояние можно назвать информационной войной, в которой средства массовой информации становятся рупором правительства страны, к которой они принадлежат. СМИ выступают как инструмент публичной дипломатии государства.

В статье рассматривается подход к освещению сирийского конфликта новостными агентствами «РТ» и «Нью-Йорк Таймс» на примере одного события: предположительной химической атаки в августе 2013 г. в пригороде Дамаска. Проведено сравнение американского и российского новостных

агентств на основе теоретических положений концепции миротворческой журналистики.

Концепция миротворческой журналистики – альтернативный способ освещения военных событий, разработанный Й. Галтунгом. Журналист, придерживающийся этого подхода, стремится освещать конфликт с точки зрения неприсоединения к какой-либо из сторон. Он ставит цель показать военные события как наносящие вред всем участникам, и в конечном итоге изменить общественное мнение, поспособствовать началу процесса мирного урегулирования.

В статье данная теоретическая модель была использована для оценки и сравнения принадлежности способа освещения сирийского конфликта двумя новостными агентствами к практике миротворческой журналистики. Проанализированы все статьи, посвящённые данной теме за период с 20 по 25 августа. Для каждого из положений теории был выбран ряд фактов, упоминание о котором в статье означало принадлежность статьи к практике международной журналистики, отсутствие упоминания – к противоположному «полюсу», «журналистике войны». Затем результаты всех критериев суммировались.

Исследование показало, что «RT» и «Нью-Йорк Таймс», освещая конфликт, тяготеют к способам «журналистики войны» с практически идентичными результатами (85 и 82 % соответственно). Журналисты открыто или скрытно обвиняют в химической атаке сторону, поддерживаемую «государством-соперником», несмотря на то, что вина ни одной из сторон так и не была доказана. В статьях конфликт не рассматривается как опасное событие, требующее немедленного прекращения. Кроме того, журналисты не приводят полного спектра фактов, необходимого для адекватного понимания сложившейся ситуации.

Бурмейстер Владимир Александрович

аспирант,

Юридический Институт

Иркутского Государственного Университета,

г. Иркутск,

E-mail: VBurmeister@icloud.com

Мобильность в контексте развития человеческого потенциала

Мобильность рассматривают как возможность перемещения из одной точки мира – муниципалитета города или субъекта, страны или континента - в другие места. Проживая среди группы людей, состоящей из родственников, коллег, друзей и дальних знакомых, человек формирует свою картину, мира исходя из «statusquo», принятого в его окружении.

«Мягкая сила», способна поменять некоторые установки человека. Так кинофильмы о путешествиях и красивых местах, встречи с путешественниками и активными людьми часто способствуют мобильности с целью туризма. Наличие информации о лучших учебных заведениях становится стимулом получить образование в столице или за рубежом. Приобретенные в течение жизни навыки и компетенции, востребованные в определенных регионах мира, становятся основанием для трудовой мобильности. В любом месте может произойти судьбоносная встреча, которая станет основанием для мобильности с целью создания семьи.

Как государство может влиять на процессы мобильности? Местное самоуправление при решении вопросов местного значения опирается на национальные особенности, традиции и культурную идентичность своего населения. При утверждении своих программ развития, муниципалитеты, региональные и федеральные власти учитывают социально-экономические показатели, выступают представителями интересов местных сообществ, а также дают рекомендации при формировании федеральных целевых программ. В условиях страны, растянувшейся на 11 часовых поясов, регионы испытывают самые разные потребности. В зависимости от того, в каких направлениях требуется больше внимания, реализуются программы, стимулирующие мобильности разного вида. Так, например, распространена мобильность государственных служащих с целью повышения квалификации и получения новых знаний; мобильность студентов и молодежи на конференциях; форумах для продвижения результатов своей научной и творческой деятельности.

Народная дипломатия, в свою очередь, призвана устанавливать тесную связь между представителями различных народов посредством воздействия на эмоции и чувства людей через культурные, спортивные и деловые события. Общая цель межкультурной коммуникации - непрерывный процесс взаимного познания народов и выделения лучшего в каждой культуре. Искренние эмоции, возникающие на фестивалях, и других совместных мероприятиях, производят приятное впечатление на стороны, вызывают гордость за свою культуру и уважение к другим культурам.

Васильева Светлана Анатольевна,
кандидат политических наук,
доцент кафедры зарубежного регионоведения,
политологии и восточной философии,
Челябинский государственный университет,
г. Челябинск,
E-mail: evrasia-site@mail.ru

**Применение стратегии «мягкой силы» в региональном масштабе:
турецкий опыт**

1990-е гг. стали переломными в истории международных отношений, которые претерпели кардинальные изменения в результате разрушения биполярной системы и возникновения на мировой арене новых акторов или изменения позиции старых. Одним из примеров резкого изменения вектора внешней политики является деятельность Турции, которая начала активно устанавливать контакты с новыми независимыми тюркскими республиками с первых дней их существования, опираясь, в первую очередь, на стратегию «мягкой силы».

Особенностью стратегии «мягкой силы» Турции в Центральной Азии является её идеологизированность. Вся деятельность Анкары была основана на стойком идеологическом базисе пантюркистских принципов. Идея естественной обоснованности тюркской интеграции была широко распространена среди различных слоев населения тюркских республик.

Другой отличительной чертой проникновения Турции в тюркские республики стала институционализация процесса, в результате которой были созданы турецкие или международные организации, обеспечивающие эффективное применение инструментов мягкой силы. Первой организацией стало созданное в 1993 г. Турецкое агентство по сотрудничеству и развитию.

При этом важной составляющей частью общей стратегии «мягкой силы» Турции в регионе стала мобильность, активно поддерживаемая государством во всех сферах. В основу турецкой деятельности легли культурная и академическая мобильность. Созданная в 1993 г. Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ, TÜRKSOY), провозгласила своей целью сотрудничество между тюркскими народами для сохранения и развития единого тюркского культурного наследия. В рамках ТЮРКСОЙ реализовываются многочисленные программы мобильности для деятелей культуры и искусств тюркских государств, ежегодно провозглашается столица тюркского мира и т.д. В рамках программ академической мобильности, инициированных Анкарой, тысячи студентов из тюркских стран устремились в турецкие вузы для получения высшего образования, которое высоко ценится у них на родине и становится гарантом получения в будущем престижного рабочего места. Кроме того, активно формируется и действует сеть тюркских образовательных учреждений в странах СНГ (от школ до вузов).

Важным шагом к укреплению связей между Турцией и тюркскими государствами и регионами стала трудовая миграция. Десятки тысяч граждан СНГ устремились в Турцию в поисках сезонной или постоянной работы. Часть из них получила вид на жительство в Турции, другие же предпочитали приезжать в страну в качестве туристов (в рамках безвизового режима), периодически возвращаясь на родину.

Туристическая деятельность также стала одним из важнейших инструментов мягкой силы Турции. Относительно дешёвый и комфортный отдых в Турции стал неотъемлемым атрибутом жизни большинства граждан

стран СНГ, что, с одной стороны, приносит неоспоримые экономические преимущества, а с другой, позитивно влияет на международный имидж страны.

Важным этапом реализации турецкой стратегии «мягкой силы» стало активное проникновение в Центральную Азию турецкого бизнеса. Турецкая сторона уже инвестировала в регион десятки миллиардов долларов, на территории стран СНГ реализовываются тысячи турецких бизнес-проектов, обеспечивающих создание рабочих мест и для местного населения.

Вершиной всех усилий Турции стало институциональное оформление политических связей тюркских государств, в результате, которого в 2011 г. был создан Совет сотрудничества тюркоязычных государств. Таким образом, была обеспечена политическая мобильность в регионе для политических деятелей различных уровней (от глав государств до депутатов).

Подводя итог, можно утверждать, что реализация Турцией стратегии «мягкой силы» в тюркских государствах была довольно успешной, несмотря на конкуренцию в этой сфере с более крупными международными акторами – Китаем, Россией, ЕС, США.

Володенков Сергей Владимирович,
МГУ имени М.В. Ломоносова,
доктор политических наук, доцент,
г. Москва,
E-mail: s.v.cyber@gmail.com

Цифровая мобильность как феномен современного информационного общества

Традиционные представления о мобильности в своей основе предполагают наличие таких важнейших характеристик субъектов различных общественно-политических и социальных отношений, как способность и готовность оказаться в определенном месте в определенное время, совершить определенное действие в конкретный временной отрезок на конкретной территории. И чем менее затратные по ресурсам такого рода активности (включая не только материальную составляющую, но и временной ресурс, а также способность и готовность субъекта к выполнению тех или иных действий в определенный промежуток времени на конкретной территории), тем, по сути, о большем потенциале мобильности мы можем говорить.

В условиях формирования такого глобального коммуникационного пространства как Интернет, характеризующегося глубоким проникновением в большинство сфер жизнедеятельности государства и общества цифровых технологий параллельно с интенсивным развитием средств мобильной коммуникации, традиционные представления о структурных и

содержательных компонентах мобильности, на наш взгляд, подлежат пересмотру.

Рассматривая Интернет как самостоятельное онтологическое пространство, мы можем не только констатировать ставшее распространенным представление о нем как «пространстве без границ», но и пойти дальше, говоря об Интернете как пространстве «без расстояний и протяженности».

Современная цифровая среда становится самостоятельным пространством бытия, при этом такие традиционные пространственные характеристики как расстояние, границы, удаленность, протяженность и т.д. уже не могут быть использованы для его описания.

В итоге, по нашему мнению, такие ключевые компоненты мобильности как способность и готовность оказаться в определенном месте в оптимальные сроки при минимуме затрат, в условиях экстерриториальности Интернета становятся неактуальными, т.к. понятия расстояния и протяженности в цифровой среде становятся весьма условными.

Кроме того, сами «территории» также оказываются условным атрибутом цифрового пространства. Скорее, конкретные интернет-площадки становятся теми «цифровыми территориями», в рамках которых осуществляются различные активности, не требующие физического присутствия участников и позволяющие проявлять свою активность исключительно на уровне цифровых аккаунтов.

Так, например, такой распространенный формат активности, как онлайн-флэшмобы, позволяет эффективно и оперативно мобилизовать в рамках конкретной «цифровой территории» значительное число не обладающих традиционными признаками мобильности участников, независимо от их реального нахождения.

Ресурсы, необходимые для того, чтобы своевременно оказаться в нужной точке пространства, становятся незначительными, а сама способность принять участие в том или ином процессе или событии переходит в разряд сугубо технологических компетенций.

Необходимо также выделить в качестве весьма важного атрибута Интернета как самостоятельного пространства и наличие собственной информационной повестки дня, которая зачастую существенно различается с традиционной «оффлайновой» информационной повесткой.

В результате значительных различий между «оффлайновой» и «онлайновой» информационными повестками и, соответственно, дифференциации информационных потоков в аспекте их содержательных характеристик, мы можем говорить о таком неминуемом следствии подобного положения дел, как различия в моделях восприятия социально-политической реальности пользователями традиционных средств массовой информации и пользователями интернет-ресурсов.

Различия в повестке дня, различия в оценке и интерпретации событий, попавших в фокус общественного внимания, различия в оценке степени

важности таких событий неминуемо приводят к появлению серьезных расхождений между «оффлайновыми» и «онлайновыми» моделями восприятия социально-политической реальности (на самом деле, мы можем говорить и о различиях в соответствующих моделях массового поведения, формирующихся на основе информационных потоков).

По сути, традиционный «конфликт поколений» приобретает свое новое звучание и актуализируется в разрезе различий в способах получения общественно значимой информации, т.к. каждый способ получения необходимой информации обусловлен и соответствующими типами коммуникационных каналов, а также особенностями транслируемого контента, о чем мы упоминали выше.

Можно констатировать, что феномен цифровой мобильности не может быть распространен на все население мира или конкретной страны, но лишь на активных интернет-пользователей, для которых цифровая мобильность становится следствием сформировавшихся моделей восприятия социально-политической реальности и соответствующих им моделей массового поведения.

Иными словами, мы можем позволить себе выдвинуть предположение о том, что преимущественно именно носители специфических онлайн-моделей мировосприятия и поведения могут выступать в качестве полноценных акторов, обладающих необходимыми компетенциями в сфере цифровой мобильности.

На наш взгляд, ведя разговор о цифровой мобильности, необходимо упомянуть и такой современный феномен как «smartcrowd». В отличие от традиционной массы, представляющей изначально из себя совокупность изолированных друг от друга индивидов, понятие массы в интернет-пространстве, особенно в пространстве социальных медиа, начинает терять свое смысловое значение ввиду того, что большинство интернет-пользователей структурированы на уровне горизонтальных коммуникаций в форматах различных сетевых сообществ, в которых каждый пользователь уже не является изолированным от других актором. Более того, наличие современных «умных» мобильных устройств связи (smartphones) позволяет не только эффективно мобилизовать интернет-пользователей для участия в различных общественно-политических мероприятиях и событиях, но и оперативно осуществлять координацию каждого владельца «умного» устройства, поддерживая с ним оперативное информационно-коммуникационное взаимодействие. По сути, возможности хорошо структурированной в информационном и коммуникационном аспектах массы, способной к оперативному взаимодействию в любой момент времени, имеющей возможности поддерживать контакт независимо от официальных каналов коммуникации даже в условиях отключения интернета и мобильной связи, позволяют нам выделить самостоятельный феномен «smartcrowd». Рассматривая в подобном ракурсе потенциал интернет-пользователей в оффлайн-пространстве, мы можем констатировать появление новых

возможностей для коллективных действий независимо от территории осуществления того или иного мероприятия или акции.

Безусловно, существуют и иные возможности цифровой мобильности, требующие своего осмысления учеными-политологами. В связи с этим нам представляется крайне важным и необходимым исследование феномена цифровой мобильности в рамках современной политической науки.

Список литературы

1. Быльева Д.С., Лобатюк В.В. Смартмоб: социально-философский анализ // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8. № 4. С. 96-107.
2. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Флэшмоб как сетевая технология современного политического менеджмента (на примере России и США) // Вестник Московского государственного областного университета. 2015. № 3. С. 18.
3. Володенков С.В. Информационно-коммуникационная революция и ее влияние на современный политический процесс // Политическая экспертиза: Политэкс. 2011. Т. 7. № 4. С. 159-167.
4. Rheingold H. Net Smart: How to Thrive Online. Cambridge: The MIT Press, 2012. 336 p.
5. Rheingold H. Smart Mobs: The Next Social Revolution. New York: Basic Books, 2002. 266 p.

Гайдай Вячеслав Олегович,

экономист Центра развития и размещения производительных сил,
аспирант Института экономики Уральского отделения РАН,
г. Екатеринбург,
E-mail: gaidaivo@gmail.com

Концепт мобильности в теории маркетинга взаимоотношений

Развитие теории маркетинга взаимоотношений во многом связано с междисциплинарным подходом в научных исследованиях, что, несомненно, расширяет теоретико-методологический и методический аппарат маркетинговой науки. Вместе с тем понятие «мобильность», активно представленное в социологии и философии, практически не находит отражения в работах по маркетингу, хотя может быть вплетено в систему понятий маркетинга взаимоотношений.

Мобильность в маркетинге может быть рассмотрена с разных сторон, однако авторское исследование подразумевает понимание мобильности как определённой характеристики взаимоотношений между участниками рыночного взаимодействия, отражающей возможность регулирования

скорости и направления изменений. Связь мобильности с движением в разных его проявлениях напрямую соответствует управлению изменениями в компаниях и в долгосрочных взаимоотношениях между компаниями-партнёрами (равноправное участие, либо компания-производитель услуг и компания-получатель услуг), поскольку в качестве характеристики изменений как метафоры физического движения могут и должны рассматриваться скорость и направление соответствующих изменений.

Соответственно, мобильность выступает фактором адаптивности (готовности и способности к изменениям) наряду с гибкостью (возможностью организационных, управленческих изменений без остановки ключевых процессов и разрушения существующей структуры взаимодействия как внутри компании, так и между компаниями, т.е. с внешней средой) (см. рис.).

Гибкость	Высокая	«Ингибция» (сдерживание)	«Адаптация» (адаптивное развитие)
	Низкая	«Деградация» (угасание и спад))	«Стагнация» (простой))
		Низкая	Высокая
		Мобильность	

Рисунок – Матрица адаптивности взаимоотношений между компаниями

В современной теории маркетинга взаимоотношений исследуются, например, такие характеристики взаимоотношений между компаниями: адаптивность (обусловленная гибкостью и, как выяснено, мобильностью); эффективная простота (упрощение до необходимого уровня, устраивающего участников взаимодействия); адекватность (соответствие особенностям сферы деятельности, стратегическим целям, размерам компаний, доле рынка и т.п.); степень заинтересованности сторон; важность отношений для участников; длительность взаимоотношений (ориентация на краткосрочный, среднесрочный или долгосрочный период); качество взаимоотношений; маркетинговая ориентация (на рынок, на клиента, на ценность взаимоотношений и др.).

Решающая роль адаптивности (а наряду с ней и мобильности) компаний и их взаимоотношений к изменениям внешней среды вызвана следующими экономическими условиями:

- сочетание и интеграция онлайн и офлайн маркетинга;
- изучение социальных сетей, мнений и отзывов в реальном времени;
- необходимость постоянного присутствия в информационном поле, взаимодействия с участниками взаимоотношений;

- сокращение доступной скорости изменений во взаимоотношениях на единицу времени (вместо нескольких месяцев или лет теперь могут быть только недели или сутки);

- клиенты осознают требования мобильности, им необходимо дать инструменты её реализации и методики применения этих инструментов.

Таким образом, существует объективная необходимость исследований в маркетинговой науке, связанных с расширением методического инструментария реализации мобильности и адаптивности компаний.

Глазырина Анастасия Андреевна,

студентка,

Уральский федеральный университет

имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,

г. Екатеринбург,

E-mail: glazyrinaa1@gmail.ru

Участие регионов Франции в международных проектах по развитию низкоуглеродной экономики

Устойчивое развитие энергетики относится к проблемам, которые невозможно решить усилиями одного или даже нескольких государств, они нуждаются в объединении сил всего мирового сообщества, поскольку от развития энергетических технологий зависит будущее всего человечества. Инициатива ООН «Устойчивая энергетика для всех» наметила основные цели в области устойчивого энергетического развития к 2030 г., связанные с обеспечением повсеместного доступа к современным энергетическим услугам, снижением мирового потребления электроэнергии, а также увеличением доли возобновляемых источников энергии в мире. Глобальное партнерство в интересах устойчивого развития, в том числе и энергетического, является целью № 17 Глобальных целей устойчивого развития ООН. Укрепление средств осуществления партнерских отношений, согласно указанной цели, должно осуществляться одновременно на нескольких уровнях – глобальном, национальном, региональном и местном. Так, Европейский союз в соответствии с целями ООН принял Стратегию устойчивого развития-2020 и по свидетельству Евростата добился определенных результатов, в том числе «умеренного успеха» в достижении ЦУР № 17.

Феномен глобализации усилил взаимозависимость и взаимовлияние отдельных стран и их регионов, благодаря их вовлеченности в мировую экономическую и финансовую систему. Всё это вывело регионы на глобальный уровень сотрудничества. Так, территориальные коллективы Франции взаимодействуют с другими субнациональными регионами Евросоюза и третьих стран в области энергоэффективности, использования

возобновляемых источников энергии и развития низкоуглеродной экономики в целом. В данном исследовании рассматриваются 10 энергетических проектов, реализуемых в Евросоюзе в рамках Стратегии-2020, в которых принимают участие французские регионы. Например, проект RESOR, который сосредоточен на продвижении лучших способов поддержки энергоэффективности и возобновляемой энергии на европейских островах и в отдаленных регионах. Во Франции отдаленными регионами являются её заморские территории: Гваделупа, Мартиника и Реюньон. Также выявлены и проанализированы особенности реализации этих проектов и их вклад в решении глобальных проблем на региональном уровне.

Грибовод Екатерина Григорьевна,
кандидат политических наук,
Институт философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург,
E-mail: gribovod_kate@mail.ru

Дискурс мобильности и медиатизация политики: от традиционных масс-медиа к новым СМИ

Современный политический процесс в условиях информатизации и дигитализации приобретает особые черты и особенности. Медиатизация как проявление мультимедийного насыщения указывает на трансформацию в системе новостных каналов, достоверность или фейковость источников, а также на диверсификацию потоков информации [3, с. 15]. Как отмечают Ф. Эссер и Дж. Стромбек медиатизацию можно сопоставить с коммерциализацией и глобализацией, так как данный мета-процесс направлен на изменение социума, где масс-медиа занимают доминирующие позиции по сравнению с другими институтами и акторами [7]. Медиатизация политики – это исторически длительный процесс, тесно связанный с появлением и развитием средств массовой коммуникации. Одной из особенностей современного цифрового общества становится отсутствие систем, структур, хотя бы частично незатронутых масс-медиа. В условиях усиления информационного шума и медийного перенасыщения процесс медиатизации политики ускоряется.

Существует несколько оптик, раскрывающих феномен медиатизации политики. Во-первых, как информационный ресурс, применяемый для внедрения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), цифровых инструментов в сферу политики и государственных услуг, а также для адаптации их к новым формам средств массовой коммуникации (СМК). В качестве классического примера, можно привести электронное правительство, направленное на предоставление государственных услуг с помощью информационных технологий. Во-вторых, медиатизация политики

– это процесс трансформации масс-медиа явлений, смыслов и образов (медиадискурса) в политический дискурс.

Таким образом, ее можно охарактеризовать, как «совокупность взаимосвязанных информационно-коммуникативных явлений и процессов, протекающих как внутри политического пространства, так и во внешней среде (в масс-медиа пространстве), через публичные презентации и фреймы политических и общественных смыслов» [4, с. 72].

Понятие мобильность объединяет в себе многообразие явлений, характеризующих передвижение как активных, так и неактивных объектов, в том числе идей, символов, значений, контактов и др. Данный концепт прочно встроен в новую модель цифрового мироустройства, поскольку является неотъемлемым атрибутом многих процессов, протекающих в современном обществе: глобализация, медиатизация и др.

Процесс медиатизации политики, его временные границы, особенности, формы проявления и характер социальных изменений, который спровоцировал данный мета-процесс, требует обращения к теории и дискурсу мобильности.

Дискурс мобильности взаимосвязан с медиатизацией политики, так как позволяет раскрыть сущность исследуемого процесса, то есть адаптивность и динамичность. А с другой стороны, способствует оценке медиа эффекта и влияния, которые данный процесс оказывает на общество в целом в условиях распространения сетевых технологий. Данный концепт применяется для оцифровывания процесса медиатизации политики, то есть выявления количественных показателей, задействованных в нем, например, широта охвата оптико-волоконных сетей, количество и доступность мобильных провайдеров и др. [2, с. 75].

С позиции теории мобильности процесс медиатизации политики можно условно разделить на два этапа – традиционные и новые СМИ. Первый этап связан с появлением первых форм массовой коммуникации: газеты, телеграф, радио и телевидение. Одними из первых на данный процесс обратили внимание исследователи массовой коммуникации и пропаганды. Например, Г. Лассуэлл в контексте политической коммуникации отметил пропагандистское воздействие СМИ на аудиторию, ее мобилизационный характер, сопоставляя с уколom или «волшебной пулей» [6, с. 4].

Второй этап начинается с появлением цифровых средств массовой коммуникации: Интернет, электронные версии печатных СМИ и др. Особое место занимают новые медиа и сетевые технологии (умная толпа, перформансы и др.), которые трансформировали процесс социальной и политической коммуникации, нивелировав различные барьеры и раздробив процесс общения на множество микро-субъектов. Главным отличием новых от традиционных масс-медиа становится цифровой способ передачи, потребления и генерирования информации.

Концепт «новые масс-медиа» - объемный и многослойный, его нельзя сужать до электронных аналогов традиционных СМИ. Он состоит из разных

атрибутов современного медиапространства, то есть социальные сети, блоги, мессенджеры, сетевые игры и др. В политическом дискурсе отсутствует единое понимание рассматриваемого концепта. Профессор Д.Г. Балуев, исследуя категории масс-медиа и СМИ, разводит указанные единицы. Отдельно выделяя понятие «новые СМИ», которое определяет как «все современные цифровые средства передачи данных». При этом социальные медиа как наиболее близкая категория ключевой своей задачей считает создание социальной коммуникации, в отличие от новых СМИ, в которых заложен более обширный функционал [1, с. 159].

При выявлении черт присущих процессу перехода политического дискурса в медиадискурс, стоит обратить внимание на «виртуальную мобильность» [5, с. 125]. Именно она как особое качество информационного общества и цифровой экономики позволяет проанализировать медиапространство, на предмет эффективного контента, каналов и источников передачи информации.

Таким образом, применение теории мобильности позволяет рассмотреть процесс медиатизации политики, оцифровать его, выявить этапы и формы политической самоорганизации населения в условиях цифрового общества.

Список литературы

1. Балуев Д.Г. Каминченко Д.И. Сравнительный анализ «новых СМИ» и социальных медиа в контексте социально – политического и исторического факторов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология-2016. №1 (33). С. 153-161.
2. Грибовод Е.Г. Мобильность как атрибут медиатизации политики // Дискурс-Пи. 2015. Вып. 2 (19). С. 75-77.
3. Кин Дж. Демократия и декаденс медиа. М. :Издат. дом. Высш. шк. экономики, 2015. 312 с.
4. Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал.отд-ния Рос. акад. наук. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 65-77.
5. Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. статья Н.А. Харламова. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. 576 с.
6. Lasswell I.L. Propaganda, Communication, and Public Opinion: A Comprehensive Reference Guide. - Princeton, Princeton University Press, 1946.
7. Strömbäck J. The Mediatization of Politics – Reshaping Politics and Transforming Democracies / J. Strömbäck. – URL: http://www.grcp.ulaval.ca/sites/grcp.ulaval.ca/files/stromback_2015.pdf. – (дата обращения: 14.05.2018).

Двойненко Максим Олегович,
преподаватель кафедры социологии и политологии,
Южно-Уральский государственный университет (НИУ),
г. Челябинск,
E-mail: dvoinenkomo@susu.ru

Образ врага как форма мобилизации общества через призму политического дискурса современной России

Общество и общественные отношения постоянно находятся в динамике и испытывают как воздействие внешних сил. П. Сорокин определял мобильность как социальное пространство, место, где взаимодействуют индивиды в рамках социальных групп. К.В. Дойч определяет мобилизацию как процесс, направленный на изменения индивидуальных характеристик актора, восприятия им институтов в целом, а также потребностей, называя их «новыми образами личной идентичности». В условиях данного процесса происходит постепенный распад старых приверженностей и замена их новыми паттернами (схемами, образами) социализации и поведения.

Наиболее распространённым медиаобразом в информационном пространстве современной России по данным АНО «Левада-Центр» на декабрь 2017 года является образ врага (66% респондентов ответили «Да» на вопрос «Есть ли у России враги?»). Г. И. Козырев определяет образ врага как оценочную характеристику, олицетворяющую угрозу обществу, группе, индивиду, и соглашается, что транслятором данного образа являются политические телевизионные программы. Можно говорить также о трансляции данных образов через новые медиа и институты социализации.

Цель трансляции образа врага в политическом дискурсе можно определить как формирование новой экзистенциальной потребности, если пользоваться классификацией потребностей А. Маслоу, а именно потребности в личностной, групповой и национальной безопасности. Формирование данной потребности может ставить перед собой как минимум две задачи: во-первых, мобилизовать общество вокруг лидера или повысить лояльность к действиям политической системы, во-вторых, - демобилизовать общество, разобщив его, заставляя тем самым отказываться от претензий на участие в государственном и общественном управлении в обмен на стабильность и безопасность. В этом случае политическая мобильность населения будет падать.

Объективной необходимостью в реализации вышеуказанной цели могут служить экономические показатели, а именно - снижение уровня жизни населения, экономический кризис. Доминирование данного образа в общественном сознании объясняет, почему при массовом снижении уровня жизни, покупательной способности населения, легитимность президента и государственной власти, в целом, остаётся на достаточно высоком уровне.

Джанаева Алтн Эрдниевна,
аспирант,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
г. Москва,
E-mail: djanaeva-altln@ya.ru

Современный научный дискурс «мягкой силы» в зарубежной и отечественной литературе

Американские исследователи концепта «мягкой силы» не только активно используют данный конструкт в многочисленных собственных исследованиях, но и подвергают его критике и переосмыслению, делая акцент на том, что именно необходимо понимать под столь неясным термином. Автор самого неологизма Джозеф Най-мл. неоднократно в своих трудах упоминал о «мягкой силе» как о некой привлекательности, за счёт которой один субъект получает власть над другим субъектом. Но последовательные критики данного автора обращают внимание также и на источники и ресурсы, из которых черпает своё влияние «мягкая сила». Например, британский учёный Инг Фан в своих размышлениях опровергает возможность считать внешнюю политику и политические ценности ресурсной базой какого-либо несилового влияния, так как, по его мнению, действия во внешнеполитической сфере представляют собой сложный набор инструментария из разных сфер государственной деятельности и называть их «жёсткими» или «мягкими», как минимум, неточно.

Отдельным направлением в англоязычных исследованиях стали авторские концепции несилового влияния, появлению которых способствовала растущая популярность концепта «мягкой силы». Среди них стоит выделить концепцию «стратегического нарратива» Л. Розель и её соавторов, призванную ответить новым сложившимся условиям миропорядка. Исходя из того, что стратегический нарратив для государства есть создание актуальной внешнеполитической стратегии, авторы предлагают считать его новой «мягкой силой», тем самым отказывая прежнему концепту в достоверном отображении существующей международной реальности.

В отечественных исследованиях концепт «мягкой силы» также приобрёл широкую популярность и прочно обосновался в научно-академических кругах. Нормативное закрепление термина в Концепции внешней политике от 2013 года способствовало активизации исследований на эту тему. Российский научный дискурс можно охарактеризовать как междисциплинарные исследования, делающие упор на инструментарий и механизм работы «мягкой силы». В частности, такие учёные, как Широкова Е.Г., Цыганков П.А., Капицын В.М., Панова Е.П., Торкунов А.В. в своих трудах показывают перечень инструментов, задействованных в работе

«мягкой силы», начиная от отдельно взятых символов и заканчивая образованием, как проводником несилового влияния. Следует обратить внимание на критику со стороны отечественных исследователей, касающуюся как вопроса интерпретации термина, так и деструктивной стороны несилового влияния в современном мире.

Список литературы

1. Fan Y. Soft Power: Power of Attraction or Confusion? Place Branding and Public Diplomacy, 2008. PP. 147-158.
2. Roselle L., Miskimmon A., O'Loughlin B. Strategic Narrative: A New Means to Understand Soft Power // Media, War & Conflict 2014, Vol. 7(1). P.71.
3. Мягкая сила. Мягкая власть. Междисциплинарный анализ. Коллективная монография / Под ред. Е.Г. Борисовой. - М.: ФЛИНТА, Наука, 2015.

Дружинин Глеб Викторович,
преподаватель,
Институт социальных наук,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск,
E-mail: druzhinin93@mail.ru

Корпорация как феномен социальной мобильности личности

Цель, которую личность желает достигнуть, определяет стратегию поведения личности в социуме, определяет количество и объем ресурса, которое лицо потратит при достижении цели. Для достижения определенных целей, чаще всего масштабных и крупных, личность объединяет усилия с другими участниками социума. Коллективные усилия позволяют оперативно достичь желаемой цели. Объединение политических фракций для создания политической оппозиции, которая может противостоять действующей фракции или заключение договора совместной деятельности двух коммерческих предприятий являются примерами объединения усилий для достижения конкретных целей.

Увеличение роли информационных технологий в современном обществе предъявляет новые вызовы для личности. Информатизация многих социальных процессов послужило причиной повышения динамики самих социальных процессов, ввиду чего личность оказалась в ситуации цейтнота, когда необходимо быстро и оперативно принимать решения. Ввиду перечисленного личность вынуждена искать различные средства повышения своей социальной мобильности.

Одним из таких средств выступает корпорация. Корпорация является социальным лифтом и способна повысить как вертикальную, так и

горизонтальную социальную мобильность. Одним из примеров, следует привести наличие разветвленной системы филиалов и представительств. Так человек, вступая в коммерческую корпорацию, приобретает возможность территориального перемещения, сохраняя занимаемую должность (горизонтальная мобильность), и возможность карьерного роста (мобильность вертикальная). Следует отметить, чем выше статус корпорации тем выше мобильность участника этой корпорации.

В силу наличия у человека физической и социальной составляющей личности участие в корпорации принимает не сам человек, а его квазисоциальный образ, человек участвует в корпорации посредством квазисоциального образа.

Квазисоциальный образ можно рассматривать как совокупность или набор определенных черт, признаков и навыков, характерных для конкретной социальной личности, к таковым можно отнести социальные опыт, наличие социальных связей, профессиональные навыки лица. Отличие квазисоциального образа от социальной личности заключается в том, что квазисоциальный образ является неотъемлемой частью социальной личности, выступает в качестве ограниченного или неполного комплекта ключевых навыков и качеств социальной личности в зависимости от ситуации.

Посредством правового регулирования государством может влиять на уровень мобильности. Установленный запрет или ограничение для корпорации может повлиять и снизить степень мобильности корпорации, и наоборот государственное стимулирование может в несколько раз повысить мобильность корпорации.

Таким образом, корпорация как социальная группа, являясь социальным лифтом, выступает средством повышения мобилизации. В корпорации участвует квазисоциальный образ личности. Правовое регулирование со стороны государства может увеличить, либо понизить уровень мобилизации корпорации.

Дьякова Елена Григорьевна,
доктор политических наук,
Институт философии и права
Уральского отделения РАН,
г. Екатеринбург,
E-mail: gf-urfo@bk.ru

Общественно-консультативные органы при исполнительных органах власти как инструмент мобильности

Современная система государственного управления включает в себя целый набор посреднических институтов, обеспечивающих рациональное обсуждение проблем, с которыми сталкиваются органы власти, с участием представителей «заинтересованных сообществ». Такие органы могут

называться по-разному: в США их принято называть «совещательными комиссиями» («advisorycommittee»), в Российской Федерации с опорой на предшествующую советскую традицию – «общественными советами».

Развитие системы совещательных органов является одним из проявлений глобальной тенденции, связанными с переходом от классической управленческой вертикали к модели общественно-государственного управления и «государства участия». В рамках данной модели повышение качества управления достигается не путем усиления функции органов государственного контроля, а путем включения в процесс принятия и реализации решений «специализированных фрагментов гражданского общества». Участие рассматривается как универсальный способ повысить качество управленческих решений во всех сферах государственной деятельности, и особенно – в социальной сфере.

Однако на участие можно посмотреть и с другой стороны: не только как на инструмент повышения качества управленческих решений, но и как инструмент, содействующий мобильности.

К участию в общественных советах привлекаются представители двух основных групп: эксперты в соответствующей сфере деятельности и представители «заинтересованных сообществ». Хотя вопрос о критериях отбора и сравнительном весе представителей этих двух групп является дискуссионным, тем не менее, в большинстве консультативных органов стремятся соблюсти баланс представительства. В США необходимость соблюдения баланса прописана в Федеральном акте о консультативных комиссиях 1974 года и поддерживается соответствующими правоприменительными практиками (включая судебные дела, связанные с нарушением принципа «честного представительства» интересов). В Российской Федерации поддержание баланса во многом зависит от того, в какой мере на формирование общественных советов влияют Общественные палаты всех уровней. Так, в соответствии с законом Свердловской области от 13 декабря 2016 года № 151-ОЗ «Об общественном контроле в Свердловской области» половину состава общественных советов формирует региональная Общественная палата с привлечением своих консультантов-экспертов. Как показал анализ состава общественных советов, сформированных в соответствии с № 151-ОЗ, эксперты Общественной палаты, как правило, представляют академическую науку и «заинтересованные сообщества».

В рамках общественных советов представители академической общественности и некоммерческих организаций получают возможность напрямую взаимодействовать с представителями исполнительной власти и высказывать свое мнение об актуальных проблемах государственного управления, что способствует их мобильности.

Желнин Антон Игоревич,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
г. Пермь,
E-mail: zhelnin90@yandex.ru

«Мягкая сила» миграции в аспекте трансформации биовласти в биополитику

Проблема миграции человека является комплексной, имея биологический аспект. Она играет важную роль в ряде биопроцессов: морфогенезе, иммунитете, регенерации, метастазировании и т.д. [6]. Это способствует приписыванию ей биологических коннотаций. Примером служит теория Делез-Гваттари, где субъектами являются живые «машины желания»: «Существует взаимопроникновение между молекулярными феноменами и сингулярностями живого, то есть между малыми рассеянными машинами и малыми формациями, роящимися в любом организме, – область неразличимости микрофизического и биологического, из-за которой живого в машине не меньше, чем машинного в живом [1].

Биология человека составляет основу социального и развивается в коэволюции с ним, при этом оно играет ведущую роль. Биологическая мобильность людей обусловлена обществом и есть зеркало мобильности социальной. Эта логика применима и к миграции: в случае человека она является одной из форм социальной мобильности, которая активизировалась в современности вследствие глобализации в разных сферах общества [4].

Важным каналом связи социального с биологическим является биовласть. Хардт и Негри вписывают ее в анализ «империи» как главного современного субъекта власти. Насчет последней они пишут: «Империя не создает территориальный центр власти и не опирается на жестко закреплённые границы и преграды. Это – децентрализованный и детерриториализованный аппарат управления, который включает все глобальное пространство в свои открытые и расширяющиеся границы» [5]. Биовласть трактуется ими предельно широко, как управление жизнью в целом: «Биовласть является такой формой власти, которая регулирует общественную жизнь изнутри. Биовласть обращается к ситуации, в которой ставка делается непосредственно на производство и воспроизводство самой жизни» [5, с. 36]. Для них биовласть – это расширение власти производства как наиболее базисной.

Рост миграции вносит лепту в децентрализацию и становление глобальной «сети». Власть при этом трансформируется в «мягкую» [3]. В случае биовласти имеет место ее переход в биополитику. Последняя отличается кооперацией и симбиозом [2]. В этом плане она может стать

подлинно разумным способом управления социума своей биологией и ее эволюцией.

Список литературы

1. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 672 с.
2. Олескин А.В. Биополитика. Политический потенциал современной биологии. М.: Научный мир, 2007. 508 с.
3. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. № 10. С. 173-192.
4. Рыжков Д.Л. Миграция как форма социальной мобильности в глобальной социальной структуре // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 5 (133). С. 135-140.
5. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. 434 с.
6. Ridley A. J. et al. Cell migration: integrating signals from front to back // Science. 2003. Vol. 302. №. 5651. P. 1704-1709.

Карташева Анна Александровна,
кандидат философских наук, доцент,
УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург,
E-mail: anna.kartasheva@gmail.com

Книгоиздание как инструмент культурной политики: «умная сила»

Мнение о том, что книгоиздание находится в кризисе, стало повсеместным. Издатели и авторы говорят о капитуляции чтения, как вида досуга, перед видеоиграми, сериалами и социальными сетями. Поэтому, считается, что культурную политику проще транслировать через интернет и телевидение, так как больше охват и, следовательно, эффективность.

Но книга остается инструментом «мягкой силы» государства, так как ее влияние хоть и реже, но сильнее по степени воздействия. Кроме того, тезис о непопулярности книг в России опровергает статистика. Например, еще в 2006 году в России было издано более 102 тысяч наименований книг и брошюр, тем самым был превышен (и не опускался с тех пор) «100-тысячный барьер». Ранее этот барьер преодолевали только три страны — США, Китай и Великобритания.

Долгое время работа по продвижению русских книг на зарубежные книжные рынки ограничивалась участием России в зарубежных книжных ярмарках. Необходимо, чтобы количество российской литературы постепенно увеличивалось, особенно на зарубежных книжных рынках

(прежде всего, на рынках Китая, Индии и Бразилии). Поддержка переводов – одно из важнейших направлений поддержки книгоиздания как инструмента культурной политики.

В феврале 2016 года в России была утверждена Стратегия государственной культурной политики, которая была разработана согласно Основам государственной культурной политики 2014 года.

Издание переводов книг русских авторов за рубежом преодолевает «эффект колени». Кроме того, это один из способов формирования возможностей для создания положительной интенциональности как для людей, принимающих решения, так и для общества в целом. Далеко не каждая переведенная книга обеспечит эффективное принятие нужных идей, убеждений и ценностей, но каждая вносит свой вклад в «общий котел», в котором появляется положительная интенциональность.

Нельзя не сказать, что книгоиздание как инструмент «мягкой силы» имеет свои недостатки. Прежде всего, любая допущенная ошибка — смысловая или техническая — мгновенно нивелирует любые усилия по продвижению и распространению любой книги. Далее, культурная экспансия через перевод научной или художественной литературы всегда непредсказуема и имеет отложенный эффект. И, наконец, издатели часто недооценивают своих читателей, «уберегая» их от сложных или неоднозначных для восприятия книг. При этом, зачастую именно качественно написанная, но сложная и заставляющая задуматься книга будет лучше восприниматься как инструмент «мягкого влияния» на формирование и поддержание образа страны.

Формирование положительной интенциональности не связано напрямую с формированием однозначно положительного образа страны. Так, М. Куналакис и А. Шимони говорят о ресурсе «умной силы» или *smart power* как комбинации «мягкой» и «жесткой» силы. Сам термин «умная сила» был введен Дж. Наем в 2003 году.

Книги по русской истории, философии, культуре, а также художественная литература – все это вызывает в мире интерес. Всё это является инструментами «умной» культурной экспансии.

Список литературы

1. Kounalakis M., Simonyi A. The Hard Truth About Soft Power // Perspectives on Public Diplomacy. Paper 5. Los Angeles: USC Center on Public Diplomacy, 2011.
2. Nye, J. Get Smart: Combining Hard and Soft Power. ForeignPolicy, 2009. P.160.
3. Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад / Под общ. ред. В.В. Григорьева. М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2017.

Каскевич Екатерина Викторовна,
магистрант,
Гродненский государственный университет им. Я. Купалы,
Республика Беларусь, г. Гродно,
E-mail: ketimarreti@mail.ru

Академическая мобильность как условие развития этнической толерантности обучающихся высшей школы

В современном образовательном пространстве, направленном на расширение возможностей обучающихся по получению доступа к новым знаниям и информации, сформировалось понятие академической мобильности, которое предполагает создание условий для «перемещения студентов и преподавателей высших учебных заведений на определенный период времени в другое образовательное пространство в пределах или за пределами своей страны с целью обучения или преподавания» [2].

Характеризуя мобильность, специалисты отмечают такие положительные результаты, как улучшение качества образования, развитие высших учебных заведений и в целом повышение культурного уровня общества. Проживание и обучение в другой стране обогащает культурный, социальный и академический опыт, создает условия также для внутриличностного развития.

Исследователи В.Н. Чистохвалов, В.М. Филиппов выделяют следующие личностные качества, вырабатываемые автоматически и зачастую подсознательно в обучающемся:

- умение выбирать пути взаимодействия с окружающим миром;
- способность мыслить в сравнительном контексте;
- способность к межкультурной коммуникации;
- способность рассматривать свою страну в кросскультурном аспекте;
- знание о других культурах, изученных изнутри и др. [3, с. 15].

Организация мобильности представляет собой включение студентов не только в образовательное пространство, но также и погружение в повседневную жизнь иной местности, знакомство с представителями иных этносов, что приводит к возрождению вопроса об этнической толерантности.

Этническая толерантность представляет собой «готовность принять других, такими, как они есть, и взаимодействовать с ними на основе согласия» [1, с.40].

Обучающиеся, имеющие опыт вхождения в академически мобильное пространство, иницируемы на дальнейшее развитие личности во многих направлениях: расширение объема знаний, умений, навыков; личностное и системно-ценностное развитие, расширение системы представлений об этническом разнообразии мира.

Таким образом, академическая мобильность позволяет решать вопросы формирования этнической толерантности студентов, развивать терпимое

отношение к окружающим людям, отличающихся от этнической группы, к которой принадлежит студент.

Список литературы

1. Арутюнян Ю.В. Этносоциология: учеб. пособие для вузов / Ю. В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколов. М.: Аспект Пресс, 1999.
2. Богословский В.И. Развитие академической мобильности в многоуровневом университетском образовании: метод. Рекомендации для преподавателей / В.И. Богословский, С.А. Писарева, А.П.Тряпицына. СПб.: Изд-во РГПУ, 2007. 95 с.
3. Чистохвалов В.Н., Филиппов В.М. Состояние, тенденции и проблемы академической мобильности в Европейском пространстве высшего образования: Учеб. пособие. М.: РУДН, 2008. 162 с.

Ковба Дарья Михайловна,
Институт философии и права УрО РАН,
кандидат политических наук.
г. Екатеринбург,
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Международные коммуникации: дипломатия в эпоху цифровых технологий

Социальная мобильность, понимаемая как способность индивидов и групп перемещаться в социальной иерархии с учетом изменения в уровне дохода, профессии, образовании, является важным маркером оценки состояния общества. Отсутствие возможности к перемещению свидетельствует о социальном застое, возможном лишении прав целых групп.

Некоторыми исследователями предлагается перенести понятие социальной мобильности на уровень международных отношений и отследить существующие там социальные иерархии. Так, утверждается, что сегодняшний геополитический ландшафт характеризуется ограниченной социальной мобильностью, так как малая группа наций доминирует на международной арене и производит глобальную повестку дня. Более мелкие и менее влиятельные государства, например, африканские, не могут изменить свое положение в иерархии, оказываются маргинализированными [6].

Тем не менее, существует, по крайней мере, одна область, в которой более мелкие государства могут успешно конкурировать с доминирующими мировыми державами – *это цифровая дипломатия*. Благодаря ей осуществляется «мобильность в социальных сетях», посредством которой небольшие государства могут оказаться в центре международной дипломатии. Это положительным образом сказывается на их потенциале

«мягкой силы» [1]. В то же время, нельзя забывать о том, что участие в цифровой дипломатии также требует значительного объема ресурсов, специалистов, наличие стратегии и тактики.

Дискуссия о дипломатии в эпоху цифровых технологий изобилует терминологией: это кибер дипломатия (cyber diplomacy), электронная дипломатия (e-diplomacy), цифровая дипломатия (digital diplomacy) и виртуальная дипломатия (virtual diplomacy). Все префиксы описывают влияние интернета на дипломатию.

1. *«Кибер»*. Этимология префикса «кибер» восходит к древнегреческому значению «управляющего». Кибер пришел к нам благодаря книге Норберта Вайнера «Кибернетика», и означает управление, ориентированное на информацию. Рост использования префикса «кибер» последовал за ростом Интернета, и в конце 1990-х годов почти все, что связано с Интернетом, было «кибер»: кибер-преступник, киберкультура и т.д. В начале 2000-х годов «кибер» постепенно исчезли из более широкого использования, оставаясь живыми только в терминологии безопасности. Некоторые авторы предлагают использовать термин кибер-дипломатия при указании на использование дипломатических инструментов и дипломатического решения проблем, которые возникают в киберпространстве [7].

2. *«Е»* – сокращение слова «электронный». Префикс напрямую связан с появлением электронной коммерции. В Лиссабонской повестке дня ЕС (2000 г.) префикс «е» использовался очень часто. Е- также был основным префиксом в заявлениях WSIS –Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества (Женева, 2003, Тунис, 2005 г.). Последующая реализация декларации WSIS сосредоточена на таких направлениях деятельности, как электронное правительство, электронный бизнес, электронное обучение, электронное здравоохранение, электронную занятость, электронное сельское хозяйство и электронную науку. На Западе использование префикса е- постепенно вышло из моды. Даже ЕС недавно отказался от «е», пытаясь, скорее всего, дистанцироваться от провала Лиссабонской повестки дня.

3. *«Цифровой»* отсылает нас к двум цифрам – «1» и «0», которые являются основой мира Интернет. Раньше данный термин применяли для описания цифрового разрыва. В последние годы этот префикс начал завоевывать языковое интернет-пространство. Когда Председатель Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер (занял пост в 2014 г.) представлял пятилетний политический план, он использовал префикс «цифровой» 10 раз. Сегодня не только ЕС, но и Великобритания имеет цифровую дипломатию. Исследователи отмечают, что Twitter и Facebook в настоящее время являются самыми популярными электронными инструментами, используемыми министерствами иностранных дел во всем мире [3].

4. *Виртуальный* – имеет отношение к нематериальной природе интернета. Может означать как неосознаваемую реальностью (ее нельзя

потрогать), так и не существующую реальность (ложную). Использовался пионерами интернета, чтобы подчеркнуть появление «дивного нового мира». «Виртуальный» из-за его двусмысленного значения редко появляется в международных документах и политическом языке [4].

Сегодня в войне за префиксное господство наступило перемирие. «Кибер» сохраняет свое господство в вопросах безопасности. «Е» по-прежнему является предпочтительным префиксом для бизнеса. Префикс «Цифровая» эволюционировала от использования в вопросах развития и описания цифрового разрыва до более широкого применения государственным сектором. Возможно использование терминов «цифровая дипломатия» и «электронная дипломатия» как взаимозаменяемых. Термин «Виртуальный» практически не используется.

Ключевыми событиями, которые показали необходимость обращения к цифровой дипломатии, называются следующие [5]:

1) *Арабская весна*. Большинство стран не предвидели этих демократических всплесков, поскольку они не слушали важные разговоры, происходящие между египтянами или тунисцами в Интернете. Правительства вскоре поняли, что, если общественность сейчас собирается в Интернете, то они также должны быть в сети.

2) Второе событие – рождение *гражданской журналистики*, которое стало возможным благодаря социальным сетям, таким как Facebook. Вооруженные сотовыми телефонами, протестующие Оранжевой революции на Украине или Зеленой революции Ирана распространяли информацию о том, что происходит в их странах, для глобальной аудитории. Скорость, с которой информация теперь доступна в Интернете, требовала от правительств такого же быстрого реагирования. Это означало, что правительствам также приходилось следить за информацией, доступной в социальных сетях.

3) Третьим событием было *использование Интернета террористическими группами* для распространения их идеологий и повествований после 11 сентября. Противодействие этому повествованию также побудило правительства выйти в Интернет.

Исследование, обсуждение и развитие цифровой дипломатии идет бурными темпами. В феврале 2017 года состоялся Лагерь цифровой дипломатии в Гааге, организованный министерством иностранных дел Нидерландов. Дискуссия подчеркнула необходимость перехода от цифровой тактики к цифровым стратегиям. *Цифровую тактику* можно понимать как попытки дипломатов использовать цифровые инструменты, чтобы охватить широкие онлайн-аудитории, создать онлайн-контент, который может стать вирусным, увеличить число подписчиков. Цифровая тактика оценивается с помощью простых параметров взаимодействия, таких как количество посетителей на веб-сайте, количество лайков и акций в социальных сетях, общее количество подписчиков. Напротив, *цифровые стратегии* используют цифровые платформы для достижения конкретной дипломатической цели,

заранее определенной и измеримой. Цель определяет целевую аудиторию, в то время как целевая аудитория определяет используемую платформу.

Переход от цифровой тактики к цифровым стратегиям основывается на четырех элементах [2].

1) Более тесное сотрудничество между МИД и негосударственными субъектами. Пример: при помощи негосударственных субъектов министерства могут привлекать аудиторию, увлеченную определенной областью политики (например, бурение в Арктике, свобода Интернета).

2) Во-вторых, переход к цифровым стратегиям требует четкого разграничения между деятельностью публичной дипломатии и кампаниями по национальному брендингу. В то время как кампании по национальному брендингу часто фокусируются на репутации страны, деятельность публичной дипломатии сосредоточена на привлечении конкретных аудиторий к конкретным дипломатическим целям. Не разделяя эти области, возникает риск неправильной оценки результатов (подсчет количества лайков вместо достижения реальных политических целей).

3) Цифровые стратегии должны использовать online-действия для дополнения offline-действий.

4) Наконец, цифровые стратегии требуют связи между отделами «frontend» МИДа и его «backend». «Frontend» состоит из тех лиц, которые создают и распространяют онлайн-сообщения. «Backend» состоит из тех, которые оценивают эффективность обмена сообщениями посредством количественных и качественных показателей.

В целом можно констатировать, что цифровая дипломатия является важным дополнением деятельности традиционной дипломатии, без которой в настоящее время затруднительно участвовать в геополитической конкуренции.

Список литературы

1. Ковба Д.М. Теоретическая и практическая адаптация концепта «мягкой силы» восточноазиатскими государствами // Пространство и время. 2014. №4 (18). С. 11-118.
2. Bjola C. From digital tactics to digital strategies: practicing digital PD // CPD blog <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/digital-tactics-digital-strategies-practicing-digital-pd> (дата обращения 18.03.2018).
3. Digital Diplomacy. E-diplomacy. Cyber diplomacy // Diplo. URL: <https://www.diplomacy.edu/e-diplomacy> (дата обращения 20.02.2018).
4. Kurbalija J. Different prefixes, same meaning: cyber, digital, net, online, virtual, e- // Diplo. URL: <https://www.diplomacy.edu/blog/different-prefixes-same-meaning-cyber-digital-net-online-virtual-e> (дата обращения 20.02.2018).
5. Manor I. Lessons from the evolution of digital diplomacy // CPD blog <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/lessons-evolution-digital-diplomacy> (дата обращения 18.03.2018).

6. Manor I. On social (media) mobility in digital diplomacy // USC Center on Public Diplomacy. URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/social-media-mobility-digital-diplomacy> (дата обращения 19.02.2018).

7. Riordan S. Cyber diplomacy vs digital diplomacy terminological distinction // USC Center on Public Diplomacy. URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/cyber-diplomacy-vs-digital-diplomacy-terminological-distinction> (дата обращения 19.02.2018).

Кокорева Александра Игоревна,

студентка,

СИУ – филиал РАНХиГС,

г. Новосибирск,

E-mail: sasha.bronks@mail.ru

Научная дипломатия и академическая мобильность как элемент «мягкой силы»

В политической науке вопросы мобильности и роли образования рассматриваются исследователями с различных аспектов. Немецкий социолог Макс Вебер обращает в своих исследованиях на взаимосвязь роли образования и профессионализации политического класса [1]. В данном контексте важно отметить, что российские исследователи акцентируют внимание на факторах и проблемах функционирования политического класса в трансформирующихся обществах [3]. Таким образом, можно говорить о том, что в современном мире государства в условиях конкуренции и борьбы за реализацию национальных интересов вовлечены в процесс экспансии идей и ценностей. Это привело к тому, что в рамках теории транснациональной зависимости была разработана концепция «soft power», которую впервые упомянул Дж. Най в 1990 г. в книге «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской силы» [4]. По утверждению Дж. Ная, мягкая сила заключается в убеждении, а не в принуждении союзников и выделял три типа внешнеполитических ресурсов: военный потенциал, экономическое могущество и нематериальные ресурсы.

Использование нематериальных ресурсов в реализации стратегий мягкой силы современных государств привела к тому, что научная дипломатия и академическая мобильность стали неотъемлемыми элементами программ, направленных на создание привлекательного образа страны. «Мягкая сила» образования направлена, прежде всего, на обучение представителей элит и обучение студентов, которые после окончания возвращаются в страну проживания [2].

В контексте обсуждения проблем и перспектив развития публичной и общественной дипломатии особое внимание сейчас уделяется научной дипломатии. Научная дипломатия связана с понятием академической

мобильности. Академическая мобильность подразумевает не только способность передвижения студентов и ученых из одного высшего учебного заведения в другое, но и возможность интеграции представителей российского научного сообщества в международное пространство, с целью совместных исследований, увеличения программ обмена и установления контактов между высшими учебными заведениями и научными центрами.

Интересны примеры России и Китая в области экспорта образования.

Одним из ярких примеров выступает «Институт Конфуция» – учебный центр, который распространен во многих уголках России. С его помощью Китай распространяет свой язык и культуру в глобализирующемся мире.

Список литературы

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер. М.: Рипол Классик, 2018. 292 с.
2. Ковба Д.М. Фактор мобильности с точки зрения 185 Парадигмы и процессы теории «мягкой силы» // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 2. С. 53-55.
3. Политический класс в современном обществе / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: РАПН; Российская политическая энциклопедия, 2012. 320 с.
4. Nye, Joseph S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power / J.S. Nye. BasicBooks: NewYork. 1990. 336 p.

Краева Дарья Сергеевна,

студентка,

Уральский Институт Управления (филиал)
Российской Академии Народного Хозяйства
и Государственной Службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Екатеринбург,
E-mail: dadakatgk@yandex.ru

Скорость предоставления государственных услуг как критерий мобильности управления: российский и зарубежный опыт

Государство как наиболее упорядоченная форма организации общественных отношений своей приоритетной целью ставит обеспечение достойного уровня жизни своим гражданам, повышения уровня удовлетворенности населения. Одним из путей осуществления государственного управления является предоставление госуслуг – совокупность сервисов, которые государство предоставляет своим гражданам для решения каких-либо проблем (вопросов).

В наши дни, когда всё большее количество услуг становятся более доступными благодаря их электронизации, уровень эффективности государственного управления повышается благодаря переводу многих функций государственных органов в электронный вид.

Портал «Госуслуги» является одним из известнейших. Благодаря ему многие процедуры, на осуществление которые уходило большое количество времени, в настоящее время можно реализовать за более короткие сроки. Именно поэтому происходит активное внедрение данного механизма в жизнь граждан. Но достаточно ли актуален на сегодняшний день рассматриваемый интернет-ресурс? Как повысить его привлекательность?

Ответы на эти вопросы вопрос скрываются, во-первых, непосредственно в самом обществе, с особенностями его менталитета и отношением к преобразованиям и новшествам. Во-вторых, в уровне вовлеченности регионов в развитие электронных ресурсов, желании перевода своей деятельности на качественно новый уровень. И, в-третьих, опыт зарубежных стран – открытый банк преобразований, в котором можно найти новые способы реализации государственных услуг, их результаты и основные проблемы.

Куприянов Виктор Александрович,
кандидат философских наук, научный сотрудник,
СПбФ ИИЕТ РАН,
г. Санкт-Петербург,
E-mail: nonignarus-artis@mail.ru

Наука как инструмент мягкой силы в политической философии русского классического либерализма

Доклад посвящен рассмотрению проблематики «мягкой силы» в творчестве представителей русского либерализма второй половины XIX в., в частности, в творчестве А.Д. Градовского, Б.Н. Чичерина, В.И. Ламанского. Само по себе понятие мягкая сила не применялось указанными мыслителями, однако можно констатировать, что в их творчестве можно обнаружить формулировку концептов, которые можно рассматривать в качестве форм мягкой силы. В.И. Ламанский, представитель позднего славянофильства, политическую публицистику которого следует считать принадлежащей к своеобразной версии русского либерализма, развивал концепцию русского языка как общеславянского языка. Ламанский призывал использовать культуру и, прежде всего, гуманитарную науку в качестве средства как внешней, так и внутренней политики государства. На этом основании он решительно протестовал против обоснования политической активности через милитаризм и внешнее давление. Развитие собственной культуры и поддержка науки должны, по его мнению, служить инструментом борьбы как

с революционными движениями внутри страны, так и привлечения внешних союзников Российского государства. В русле такого понимания мягкой силы лежала деятельность Ламанского в Санкт-Петербургском славянском благотворительно комитете.

А.Д. Градовский, видный петербургский юрист и публицист, тяготевший к славянофильству, также ратовал за развитие внутренней жизни и культуры в целях борьбы с революционными движениями. В этом отношении в его публицистике можно обнаружить «внутреннее» измерение мягкой силы. В своей публицистике Градовский также настаивал на поддержке просвещения и науки как основном средстве преодоления нигилизма. По его мнению, преодоление пагубных и деструктивных общественных стремлений необходимо, выражаясь кантовским языком, развитие самостоятельности «способности суждения», что может дать только глубокое погружение в науку. Поэтому Градовский призывает не применять меры силового принуждения к тем, кто показывает признаки неповиновения, а, наоборот, поддерживать гласность судов, свободу слова и распространение образования. В сходном направлении движется и мысль Б.Н. Чичерина.

Можно сделать вывод, что мягкая сила в русском либерализме выступает в двух проекциях: внутренней и внешней. Решающим инструментом мягкой силы оказывается именно наука и образование, которые направлены на формирование сознания людей. В деятельности В.И. Ламанского так понятая мягкая сила нашла свое непосредственное практическое воплощение. Аналитика данной тематики позволяет заключить, что для российской внутренней и внешней общественной мысли идея применения мягкой силы не является чем-то новым и неожиданным.

Лазарева Ксения Вячеславовна,

аспирантка,

Новосибирский государственный университет,

г. Новосибирск,

E-mail: k.lazareva@g.nsu.ru

Наука и образование как атрибут успеха стратегии soft power Республики Корея

Значение инструментов «мягкой силы» возрастает в теории и практике современной внешней политике в целом. Развитые страны мира, в частности, Республика Корея, используют эту концепцию как инструмент внешней политики. Стратегия внешнего продвижения науки и образования, составляющая основу «мягкой силы» страны, является фундаментом позитивного влияния Республики Корея на международной арене. Кроме того, Республика Корея активно реализует эту политику в контактах с диаспоральными сообществами, привлекая таким образом дополнительный

ресурс для реализации внешнеполитического курса Республики Корея на разных уровнях.

Республика Корея открыла для себя возможности «мягкой силы» в конце 90-х гг., после прихода к власти президента Ким Ёнсама (1993–1998). Культурная политика нового президента радикально отличалась от политики предыдущих президентов, поскольку президент Ким признал потенциал индустрии культуры и образования для содействия экономическому росту страны в целом. Еще будучи кандидатом в президенты Ким Ёнсам озвучил идею о «глобализации страны» и включении Республики Корея в глобальные международные процессы. Суть этой программы заключалась в том, чтобы начать реформировать не только экономику, но и политику, образование и культуру с расчетом на достижение в этих областях международных стандартов.

На сегодняшний день организацией и проведением системных практик осуществления данной политической линии в первую очередь занимается Министерство культуры, спорта и туризма, при поддержке аффилированного с министерством Корейского фонда. Ещё одной платформой, занимающейся общественной дипломатией и ресурсами «мягкой силы» выступает Министерство иностранных дел и торговли Кореи. Министерство занимается не только вопросами экономического и торгового сотрудничества, взаимодействия с членами ОЭСР, но и формирует политику туристической привлекательности страны, занимается академической мобильностью и культурными обменами.

В настоящее время в Республике Корея сформировался мощный инструментарий продвижения позитивного имиджа на мировой арене. Важнейшим фактором успеха политики «мягкой силы» Республики Корея является определение четких целей сотрудничества по каждому из направлений: продвижение традиционной культуры и поп-культуры, продвижение языка, экспорт образования. Сбалансированное сочетание различных направлений и инструментов сотрудничества, учет интересов стран-партнеров, целенаправленная работа с будущими элитами и поддержание позитивного имиджа страны в различных сферах формирует основу для увеличения влияния Республики Корея как в России, так и во всем мире в целом.

Лескина Наталья Владимировна,
ассистент кафедры теории и истории международных отношений,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург,
E-mail: nathalieleskina@gmail.com

Сетевые университеты как фактор политической трансформации на постсоветском пространстве

Программы академических обменов имеют большое значение для формирования региональной идентичности, т. е. принадлежности к особой системе ценностей. Зачастую мобильность рассматривается как способ культурного единения народов, знакомства с достижениями в научной и образовательной сферах, сохранения межличностных связей в рамках гуманитарного измерения более широких интеграционных объединений, таких как Содружество Независимых государств, Шанхайской организации сотрудничества и Евразийского экономического союза.

Сетевые университеты, представляющие собой консорциумы ведущих национальных вузов, стали наиболее распространенной формой организации совместных образовательных программ, научных проектов и академической мобильности на постсоветском пространстве. Университеты становятся важными акторами «мягкой силы» [1;2], дополняя межгосударственный уровень сотрудничества.

Целью данной статьи является анализ особенностей межуниверситетской сетевой формы сотрудничества на постсоветском пространстве. Исследование опирается на анализ официальных документов, статистических данных и транснациональных сетей.

Перед сетевым университетом СНГ, созданном в 2009 г., была поставлена амбициозная задача – стать аналогом европейской программы ЭразмусМундус. Хотя сетевой университет СНГ обладает большим потенциалом гармонизации национальных систем высшего образования, по масштабам он уступает ЭразмусМундус, которая представляет собой рамочную программу, финансирующую создание множества консорциумов, связавших вузы Европы. Несмотря на данные ограничения, сетевой университет стал важным прорывом в сотрудничестве стран региона, создав инструменты для гармонизации образовательных систем, и дополнив межправительственный процесс транснациональным межуниверситетским сотрудничеством.

Аналогичный проект появился и в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Перед сетевым университетом ШОС также стоит очень амбициозная задача – стать азиатским аналогом Европейского пространства высшего образования. Пока что он представляет собой консорциум ведущих вузов стран ШОС, аналогичный сетевому университету СНГ. В отличие от Болонского процесса, сетевой Университет ШОС не предполагает реформирование вузов, но может рассматриваться как пилотный проект, призванный изучить возможности сопоставимости систем.

Хотя инициатива по созданию сетевого университета ЕАЭС столкнулась со сложностями на межправительственном уровне, связанными с нежеланием Казахстана принять в нем участие [3], усилиями Томского государственного университета и Санкт-Петербургского государственного

экономического университета она начинает воплощаться в виде отдельных программ двойных дипломов.

Сетевые университеты становятся новым уровнем сотрудничества, дополнив межправительственный процесс. Несмотря на то, что они ограничены составом участников и источниками финансирования, сетевые проекты обладают большим потенциалом изучения сопоставимости систем. Текущий этап развития можно охарактеризовать как начальный, характеризующийся поиском общих целей и форм сотрудничества.

Список литературы

1. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 4 (25). С. 85-93.
2. Лебедева М.М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 6. С. 1-6.
3. Юн С.М. Образование как сфера сотрудничества в рамках евразийского экономического союза: проблемы и перспективы // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С. 89-92.

Луньков Александр Сергеевич,
кандидат исторических наук,
заведующий кафедрой философии,
Институт философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург,
E-mail: istorik1981@mail.ru

Мобильность современной войны: от мягкой силы до грубого насилия

Традиционно война понимается как некое социальное состояние, характеризующееся набором однозначных индикаторов. Эти индикаторы настолько очевидны, что до середины XX века выяснение, находится ли то или иное государство в состоянии войны или нет, не вызывало особых затруднений. Однако уже Первая Мировая война породила целый ряд «стратегом» (в буквальном смысле «военных хитростей»), которые были призваны скрыть до определенного момента от внешнего наблюдателя тот факт, что данное общество уже находится в состоянии войны. Скрытая мобилизация, перевод промышленности на «военные рельсы» и т.д. вот далеко неполный перечень этих хитростей. Все они реализовывались с единственной целью – получить преимущество внезапности над противником.

Вторая Мировая война породила еще более изощренные способы подобной маскировки, но уже с другими целями. Осуждение военной агрессии как совершенно неприемлемого для государственной политики

шага привело к серьезному противоречию – война оказалась под запретом, а цели, достигаемые преимущественно военным способом, остались. «Холодная война», а потом, «миротворческая операция», «антитеррористическая операция» и наконец «soft power» стали концептами, призванными вытеснить концепт «войны» из массового сознания. Вытеснить концепт, но не сам феномен. Потребителю «массовой информации» незачем знать, что его страна находится в состоянии войны. Однако заигрывание с «почти войной» чревато серьезными последствиями для социума.

На сегодняшний день военными теоретиками взяты на вооружение доктрины, напрямую связанные с концептом мобильности. Теория «управляемого хаоса», теория «мягкой силы», «террористическая война» являются яркими примерами неклассической военной мысли.

Согласно теории управляемого хаоса основным инструментом реализации военной стратегии является состояние неустойчивости, создаваемое преимущественно невоенными способами. Данная неустойчивость может касаться разных аспектов социальной жизни. Главное непрямыми действиями задавать тренд развития этой социальной неустойчивости, то есть направлять хаос социального недовольства в необходимое русло. Тем самым достигается мобильность, текучесть постепенного перехода от мирного недовольства к вооруженному сопротивлению.

В теории мягкой силы применительно к феномену войны ключевую роль играет мобильность как характеристика тех или иных социальных групп. Повышая мобильность (академическую, трудовую, культурную и т.д.), мы создаем впечатление движения вперед, прогресса, развития. Однако ценностью в данном контексте является не цель движения, а само движение, мобильность как самоцель. Тогда как уже на уровне акторов политики «мягкой силы» подобная «бесцельность» массовой мобильности является благодатной почвой для реализации конкретных задач.

В современной практике террористической войны мобильность используется как буквально (мобильные приложения и социальные сети как информационная составляющая терроризма), так и метафорически. Второй момент наиболее опасен, так как предполагает высокий уровень мобильности конкретного человека между состоянием «террорист» и «обычный гражданин». Сегодня даже не нужно оружие, чтобы человек по условному сигналу «мобилизовался» в террористическую армию и совершил акт террора. Автомобили, ножи и даже простые бытовые предметы делают изничем не примечательного гражданина бойца, способного нанести ущерб противнику.

Макаревич Артём Викторович,
аспирант кафедры философии,
Гродненский государственный университет имени Я. Купалы,

Социокультурная мобильность молодёжи как атрибут современного развития общества

Реалии современного социума ставят перед человеком ряд требований, в соответствии с которыми он должен обладать комплексом характеристик, способствующих свободному перемещению личности в социальном пространстве. К данным качествам относятся: умение адаптироваться к социальным изменениям, принятие другой точки зрения, в том числе и идущей вразрез со своей собственной, самостоятельность, активность в принятии решений, способность налаживать контакт с представителями не только своей культуры, национальности и вероисповедания но и с другими, не подобными себе представителями общества. Наличие у человека вышеперечисленных качеств свидетельствует о его развитой социокультурной мобильности.

На наш взгляд, социокультурная мобильность – это переход индивида из одних социокультурных условий в другие. В своем исследовании мы разделяем социокультурную мобильность на внешнюю и внутреннюю. Под внешней мобильностью понимается смена социокультурных условий жизни, постоянного места жительства, переход из одной социальной группы в другую. Внутренняя социокультурная мобильность предполагает собой изменения мировоззренческих ориентиров, перемены в культурных предпочтениях индивида, смену ценностей.

Однако, социокультурная мобильность может рассматриваться не только как характеристика отдельной личности, но и социально-демографической группы, к примеру, такой как молодежь. Социальные особенности молодежи определяются специфической позицией, которую она занимает в процессе наследования и воспроизведения социальной структуры. Молодежь является одним из самых динамичных слоев общества способных преобразовывать сложившиеся социальные отношения.

С позиции вышесказанного следует отметить, что изучение социокультурной мобильности молодежи вызывает особый интерес в современных реалиях. В нашем исследовании социокультурная мобильность молодежи рассматривается как качественная характеристика, способность молодежи реагировать на изменения и трансформации в социальной среде, а также готовность в связи с этим корректировать свои действия. Мобильность требует от молодого поколения активации внутренних ресурсов для решения актуальных проблем, появляющихся в условиях современного социума, подготовленности не к одному виду деятельности, а сразу к нескольким, взаимодействия в различных социальных общностях, влиянию на данные социальные общности, их развитию, а также генерированию и созданию новых видов общностей. В условиях быстрого развития техники и

технологий производства социокультурная мобильность является ключевым компонентом, влияющим на успешную социализацию молодежи. Сегодня наличие необходимой молодежи социокультурной мобильности обусловлено существующей ментальной мотивационной и психологической готовностью к приобретению данного качества и его формированию.

Малаткурова Мария Сергеевна,
студентка,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург,
E-mail: mariiamalatkurova@gmail.com

Образовательная дипломатия и культурные проекты европейских регионов (академическая мобильность, туристические и культурные проекты европейских регионов)

Настоящая статья раскрывает один из методов ведения парадипломатии в рамках политики Европейского Союза – образовательную дипломатию и культурные проекты европейских регионов. Вышеупомянутые явления будут рассмотрены, прежде всего, в контексте применения мягкой силы в указанном регионе, их влияние на внешнюю и на внутреннюю политику как в самом субъекте, проводящем такой курс внешнеполитической деятельности, так и в государствах Европейского союза.

Целью осуществляемого анализа является дача объективной оценки мерам, предпринимаемым акторами, рассмотренных в ходе работы, а также разрешение действующих проблем посредством предлагаемых автором методов. Научная новизна проводимого исследования заключается в предоставлении всеобъемлющего понимания логики ведения политики на уровне регионов в сфере образования и культурного обмена, выявление преимуществ и недостатков и предоставлении автором руководства по дальнейшим шагам по укреплению и закреплению подобного вида политического взаимодействия на региональном уровне. Дается определение основным терминам, фигурирующим в научной статье, приводится наименование используемых автором методов исследования, такие как контент-анализ, ивент-анализ, метод исследования экспертных оценок, а также традиционный метод в качестве основного элемента интерпретации нормативно-правовой базы выбранных для анализа регионов Европейского Союза.

Настоящая работа ориентирована на изучающих фактор мягкой силы в международных отношениях в рамках парадипломатии с углублением в культурно-образовательный аспект данной тематики. В ходе работы будут задействованы различные типы источников (первичные, вторичные,

собственные). При сборе данных осуществлялись следующие способы: опрос и наблюдение. Уделяется детальное внимание основным тенденциям в заданных темой аспектах, то есть, выделяются наиболее приоритетные районы как в образовательном секторе, так в культурном, берутся в расчет статистические данные за последние несколько лет для выявления результатов предпринимаемых мер, их результативности за заданный отрезок времени, прогнозируются дальнейшие вероятные направления сотрудничества и взаимодействия в вопросах академической мобильности, туристических и культурных проектов европейских регионов.

Моисеенко Ян Юрьевич,
младший научный сотрудник,
Институт философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург,
E-mail: yan.moisseenko@mail.ru

«Мобильный поворот» в современной политической философии: методологические горизонты

Характер протекания всевозможных трансформаций, которые претерпел современный мир с начала становления эпохи Модерна вплоть до нашего времени, может быть охарактеризован в различных философских парадигмах. Каждая из них готова предложить свой взгляд на «тектонические» сдвиги в социальных, политических, антропологических сферах, одним из результатов чего стало доминирование дискурсивного поля над пространством «голых фактов», поскольку именно дебаты между сторонниками и противниками тех или иных парадигм во многом конституируют предметное поле современных гуманитарных дисциплин.

Политическая философия отнюдь не стала исключением из настоящей тенденции, поэтому, приблизительно со второй половины XX в., она стала реагировать на вызовы её методологическому и концептуальному аппарату, количество которых с течением времени росло в геометрической прогрессии. Во многом по этой причине, предметом непосредственного фокус-внимания политической теории стал и такой факт нашей повседневной реальности как возведение в своеобразный культ явления «подвижности» или «мобильности», в качестве которой он был зафиксирован в философском тезаурусе.

Известно, что т.н. «мобильный поворот» в современной социологии, политологии, философии представляет собой попытку артикулировать на теоретическом уровне весь спектр причин и следствий тотального вовлечения участников глобализационных процессов в повседневные практики движения. Однако просто невозможным представляется охватить максимальный объём интерпретацией роли и значения «мобильности» в современном мире с опорой на какую-либо одну конкретную школу изучения

«мобильности», будь это работы нео- и постмарксистов (И. Валлерстайн, М. Кастельс, А. Негри, и др.) или представителей «постмодернистской социологии» (З. Бауманн, П. Бурдьё, Дж. Урри и др.) Тем более, что всё чаще в научной литературе встречается употребление этого концепта во множественном числе – «мобильности», что свидетельствует о большой сложности и многогранности стоящего за ним феномена.

В настоящем исследовании будет предпринята попытка очертить дополнительные направления исследований «мобильности», что не были эксплицитным образом оформлены в сложившиеся школы и подходы под эгидой непосредственно политической философии. В частности, будет проведено своего рода феноменологическое вскрытие двух имманентных черт сложившейся парадигмы «мобильности»: *скорости* и *конформности*. Именно феноменологический подход к изучению этих двух ипостасей «мобильности» (Мартин Хайдеггер, Поль Вирильо) станет ключом к пониманию морфологии фундаментальных процессов современности, которые несут ответственность за то, что именно в Новое время мир не просто «пришёл в движение», но и встал на порог беспрецедентных, колоссальных перемен.

Никитина Алена Сергеевна,
кандидат социологических наук,
Уральский институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Екатеринбург,
E-mail: Alena.nikitina@ui.ranepa.ru

Государственная инфраструктура облачных ИТ-технологий как основа информационной мобильности современного государственного управления

Внедрение облачных инновационных технологий в сферу государственного управления является одним из приоритетных и перспективных государственных информационных проектов. Облачные ИТ-технологии позволяют реализовывать с единого сервиса разным пользователям такие услуги как электронная почта, правовые системы, бухгалтерские системы, различные программы электронного документооборота. Развитие облачных технологий даёт возможность накапливать и анализировать большие массивы информации, облачные хранилища позволяют экономить финансовые и кадровые ресурсы.

В исследовании представлена методология исследования информационной мобильности государственного управления, проанализированы основные принципы регулирования и полномочия органов государственной власти в сфере формирования и использования государственной инфраструктуры облачных вычислений, исследована

социально-управленческая готовность государственных и муниципальных служащих к формированию и внедрению облачных IT-технологий. В заключении автором статьи выявлены основные проблемы и риски внедрения, предложены рекомендации по эффективному внедрению облачных инновационных технологий в государственный сектор.

Оболкина Светлана Викторовна,
кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры философии,
Институт философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург,
E-mail: Obol2007@mail.ru

Онтологический контекст мобильности

Мобильный поворот (mobility turn) – это одна из важнейших характеристик современного подхода к социокультурным явлениям. В отличие от более ранних форм анализа (например, у Г. Зиммеля) сегодня мобильность означает не увеличение скорости «машиноподобного» движения по заданным маршрутам, а способность их менять. Движение по некоему прихотливому – нелинейному – пути часто характеризуется как нелинейное; понятия «мобильность» и «нелинейность» легко объединяются, особенно в утверждениях по поводу современности.

Однако понятие нелинейности если и связано с некой «линией», то лишь с визуализацией нелинейных уравнений. По своему онтологическому содержанию нелинейность означает чуткость системы к малым воздействиям. Мир, понятий как нелинейный, означает, что в нем бесполезны долговременные прогнозы. Противоположная ситуация – гипотетический линейный мир – может пониматься как сверхстабильная система, где линейность означает не лапласовскую идеализацию причинно-следственных отношений (жесткий детерминизм), а способность нивелировать влияние разного рода помех на прогнозируемый результат. Что требует значительных энергетических затрат, поскольку сама по себе такая устойчивость не существует даже в относительно простых системах.

Мобильность, понятая как характеристика личности, информации, идей, транспорта и т.п., в нелинейном мире означала бы постоянную готовность к любым изменениям. Для человека это было бы способностью не-планирования и мгновенной творческой реакции – то есть практически сверхспособностью (или психическим расстройством по типу «фуги»). Поэтому мобильность («нормальная мобильность») требует линейного контекста. То есть жестких программ регулирования «фоновой» стабильности. И это не специфично современная ситуация; это то, что можно назвать онтологическими условиями мобильности как таковой. Описанный М.К. Петровым мир пиратов Эгейского моря – один из первых примеров

стратегии успеха, основанной на принципе мобильности как оперативного прогнозирования в условиях непредсказуемости. Автор показывает, что эта стратегия уже тогда была возможна лишь в мире стабильного земледелия и, соответственно, государственности как системы защиты и распределения энергетического потенциала.

Таким образом, когда мы говорим о мобильности, мы должны характеризовать и контекст инфраструктуры мобильности, например, анализировать «накачку энергии» в структуры, снижающих риски: правоохранительные органы, военизированные службы быстрого реагирования, медицинские и аварийные службы и т.д.. Речь идет не только об их увеличении, но и о характере профессиональной деятельности (например, официальный или неофициальный запрет для работников даже в выходные дни покидать свой город). Мобильность одних элементов системы оплачивается усилением статичности других. Связь характеристик мобильности и нелинейности скорее не прямо, а обратно пропорциональна.

Паляева Анастасия Максимовна,
бакалавр,
ФГБОУ «НИ МГУ им. Н. П. Огарева,
г. Саранск,
E-mail:nastpal99@gmail.com

Временная мобильность социальных институтов. На примере института образования

Термин «мобильность» используется во многих областях науки и практики. В общем понимании мобильность - «способность быстрого перемещения», или другими словами «переносимость, транспортируемость, подвижность, нестационарность». В общественных и гуманитарных науках широкое распространение получило осмысление социальной мобильности - перемещения групп или индивидов в социальной структуре общества, изменение их статуса. Социальная мобильность позволяет изучить перемещение человека или группы людей в социальном пространстве, однако мобильности подвержен не только человек. Рассматриваемые лишь как каналы социальной мобильности социальные институты также изменяются.

Принято считать, что в мире существует всего 2 пространства: физическое и социальное. Первое несет объективную форму реальной материи, независимо от человека, его восприятия, и может существовать при отсутствии цивилизации. Второе - социальное пространство - это продукт взаимоотношения людей и ценности, которые они создают, как материальные, так и духовные. Никак нельзя отнести социальные институты к физическому пространству, так как даже если они приобретают некую

материальную форму, никак от нее не зависят. В социальном пространстве институты наделяются ролью социальных лифтов, проводников между различными социальными группами.

Социальные институты мобильны, но в физическом и социальном смысле их мобильность акцентируется недостаточно. Для измерения «временной мобильности» необходимо воспринимать время как последовательность, как вектор, находящийся в постоянном движении.

Институты общества, выступающие в качестве социальных лифтов, должны «идти в ногу со временем». Это время устанавливает социум. Таков институт образования. Он идет в ногу со временем, выступая одновременно мощнейшим социальным лифтом, поскольку именно благодаря образованию происходит интеграция человека в общество.

Петрова Александра Ивановна,
студентка,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург,
E-mail: petroaleksandra@yandex.ru

**«Soft-power» российских СМИ и внутренняя мобильность:
повышение привлекательности внутреннего туризма
через стратегии «мягкой силы»**

Американские исследователи средств массовой информации М. Маккомбс и Д. Шоу в 1972 году выявили наличие прямой связи между сообщениями СМИ и предпочтениями избирателей. В результате этого исследования ученых была выдвинута гипотеза о повестке дня («agenda-setting») [1]. Повесткой дня называется совокупность сюжетов и проблем, которые считаются наиболее важными на данный момент, а установлением повестки дня можно считать процесс внедрения этого набора сюжетов в сознание аудитории [2]. Иными словами, специально подготовленные сюжеты СМИ внедряются в аудиторию как наиболее значимые, формируя информационное и проблемное поле. Дж. Най, американский политолог, предложил использовать понятие «мягкая сила» или «гибкая власть», как альтернативу «жесткой силе» (применение силовых методов, в том числе и военных). Примером агентов «мягкой власти» могут служить, например, СМИ, образование [3]. Данный концепт побудил политологическую дискуссию вокруг понятия «мягкая власть», в частности, М.М. Лебедева разграничила понятия «пропаганда» и «мягкая власть», показав, что последняя строится, прежде всего, через привлекательный образ и без использования манипулятивных технологий [4]. Следовательно, можно утверждать, что СМИ, используя стратегии «мягкой власти» и повестку дня,

воздействуют на аудиторию, выстраивая привлекательный образ того или иного объекта.

Актуальность исследования данного вопроса представляется в следующем контексте: за последние 4 года изменилась как внешнеполитическая ситуация (события на Украине, санкции, присоединение Крыма, серия терактов в ряде европейских стран и в США, дипломатические конфликты), так и внутривнутриполитическая (гражданские настроения после событий на Украине, Олимпиада, кадровые перестановки на федеральном и региональном уровне, экономический кризис). Эти события отразились на выездном туристическом потоке, что, в свою очередь, положительно повлияло на внутренний туризм [5]. Таким образом, представляется интересным вопрос: какие стратегии «мягкой силы» используются российскими СМИ для увеличения внутренней мобильности?

Список литературы

1. McCombs M. The Agenda-Setting Function of Mass-Media / M. McCombs, D. Shaw // Public Opinion Quarterly. 1972. V. 36, No. 2. P. 183
2. Сазонов Т. Г. Теория «информационная повестка дня» и блогосфера : новые реалии в пространстве современных СМИ // Журналистика электронных сетей. Сборник научных работ / отв. ред. Акопов А. И. Воронеж: Ф-тет журналистики ВГУ. 2010. С.100.
3. Най Дж. Гибкая власть: Как добиться успеха в мировой политике / пер. с англ. В. И. Супруна. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2006. 221с.
4. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3 (54). С. 212-223.
5. Ростуризм: выездной турпоток из России снижается вследствие развития внутреннего туризма [Электронный ресурс]: // Сайт: ТАСС URL: <http://tass.ru/obschestvo/1962641> (дата обращения: 18.03.2018).

Полюшкевич Оксана Александровна,

магистрант,

Иркутский государственный университет,

г. Иркутск,

E-mail:okwook@mail.ru

Социальная мобильность среднего звена государственных служащих: история без перспективы или перспективы истории?

Государственная служба явление древнее. В любом государстве, при любом режиме есть государственные служащие. Построение карьеры чиновника, как показано еще в трудах М. Вебера строилось по четкой иерархии. Но современный мир, все больше становится глобализированным,

виртуальным, мобильным, это касается и государственных служащих. Невозможно жить в меняющемся мире и самому не меняться.

Развитие гражданского общества, предполагает наличие активных, целеустремленных, мобильных и гибких участников. Это касается самих государственных служащих. Но иерархичность, четкость и нормативная определенность карьеры чиновника приводит их к конфликту с социальной средой. Им предписан один формат и шаблон поведения, а реальность требует совсем иного.

Возникает вопрос – победят нормативы прошлых веков или реалии будущих стандартов? Поиски ответа на этот вопрос стали основой нашего исследования, касающегося социальной мобильности государственных служащих среднего звена. Полное следование традиции, устоявшимся нормам – приведет к самоуничтожению. Кардинальное реформирование – нарушит слаженность работы социальных институтов. Золотая середина находится в развитии социальной мобильности, гибкости служащих, способных постоянно адаптироваться, меняться и подстраиваться под требования нового дня.

Мы исследовали условия, формы и возможности развития и реализации социальной мобильности на государственной службе. Объектом исследования стали государственные служащие среднего звена, т.е. занимающие должности начальники отделов, управлений и комитетов Правительства Иркутской области. Всего 46 человек, в возрасте от 25 до 55 лет, 55% женщин и 45% мужчин. На должности руководителя среднего звена на момент исследования они находили от 2 до 10 лет. Методом исследования выступило экспертное интервью; контент-анализ документов.

Результаты исследования:

1. В нормативных документах не прописаны механизмы социальной мобильности государственных служащих. Принципы построения карьеры, повышения квалификации, получения нового опыта опираются на инициативу самих служащих, а не формируются социальной системой государственной службы.

2. Служащие опираются на личные ресурсы и интересы для формирования личных «зон приоритетного развития», в большинстве своем не посвящая в свои планы ни вышестоящих руководителей, ни коллег, ни подчиненных. Схема социальной мобильности не прозрачна, зависит от случайного стечения обстоятельств, личных склонностей и увлечений.

3. Для существенной доли респондентов, социальные риски, вызванные социальной мобильностью коллег, являются тормозящих явлением для их инициативы в данном направлении и тем самым формируют условия для развития профессионального выгорания, апатии и депрессии.

Постников Василий Дмитриевич,
магистрант,

Реализация прав языковых меньшинств на примере итальянских регионов

Почему представители языковых меньшинств должны наделяться правами, предоставляющими им автономию в том государстве, в котором они проживают? Проблема, касающаяся обеспечения языковых прав национальных меньшинств, является достаточно распространенной: практически в любом государстве проживают группы людей, различных от большинства по языку, культуре, традициям и отождествляющих себя с национальными меньшинствами, стремясь сохранить свою самобытность. Таким образом, защита меньшинств осуществляется при условии, что религиозная, культурная и языковая принадлежность являются неотъемлемыми элементами того, что означает быть человеком.

Данное исследование посвящено анализу процессов эволюции правовой защиты языковых меньшинств в регионах Италии, и их эффективности в борьбе с защитой языков от «вымирания». Кратко изложены основные причины изменений в законодательстве относительно вопросов нацменьшинств и их права на языковую самоидентификацию. Рассматриваются примеры реализации языковых прав человека на примере законодательства таких регионов страны как Венето, Трентино – Альто-Адидже, Валле-д’Аоста и др., роль и статус языков меньшинств в юридических практиках Италии путем анализа положений о языке в законодательных документах: Конституции и законах страны, статутах и законах области, провинций и муниципалитетов. В частности, приводится пример автономной провинции Южный Тироль, которая находится в регионе Трентино – Альто-Адидже. Законодательство этой провинции характеризуется тем, что при наличии здесь трёх официальных языковых групп – итальянской, ладинской и немецкой, две последние имеют статус национальных меньшинств. В регионе признается равноправие всех граждан независимо от принадлежности к той или иной языковой группе, включая защиту этнических и культурных особенностей. В целях установления равноправия был принят Статут Автономии, применение которого предусматривают предоставление преимущественных прав двум языковым меньшинствам.

Пружинин Александр Николаевич,
студент,
Иркутский государственный университет,

Роль академической мобильности в воспроизводстве человеческого капитала

Академическая мобильность студентов и абитуриентов в России направлена с востока на запад. Центральная и Восточная Сибирь имеет сильную «утечку мозгов» и как следствие медленное социально-экономическое развитие. Главной причиной академической мобильности является недостаточно высокий уровень образования в регионах, сложности трудоустройства и построения карьеры после окончания обучения. В образовательных центрах России: Санкт-Петербург с Ленинградской областью, Московская, Новосибирская и Воронежская области, ситуация обратная: высокая возможность получить не только качественное высшее образование, но и множество перспектив для построения карьеры [1].

Для выравнивания студенческих, абитуриентских академических потоков в регионах необходимо обеспечивать социальные гарантии молодежи: предоставление жилья, лояльность в кредитовании, помощь молодым семьям, обеспечение возможности стажировок за рубежом, создание условий для профессиональной мобильности, и повышения квалификации внутри региона. Сюда же может входить развитие программ Болонского процесса по повышению академической мобильности региональных ВУЗов, увеличения бюджетных мест, повышение стипендий.

В центральной и восточной Сибири нет исследовательских университетов, следовательно, нет возможности находить наиболее эффективные пути социально-экономического развития, формировать перспективы своего региона [2]. Поэтому необходимо задуматься, либо над созданием 2-3 исследовательских университетов в Сибири, либо создать политику возможного обучения в ВУЗах европейской части России, и по факту возвращения представлять жилье, место работы и другие социальные гарантии. Создание условий для равномерной академической миграции студентов и абитуриентов позволит выйти регионам из экономической стагнации, и позволит в дальнейшем самостоятельно обеспечивать себя необходимыми социально-экономическими ресурсами за счет развитого человеческого капитала. В конечном итоге мы будем иметь не только более развитый социальный капитал: разнонаправленные исследовательские университеты, но и лучшую возможность привлечения иностранных студентов в Россию, реализуя тем самым политику «мягкой силы».

Список литературы

1. Кашницкий И.С. Межрегиональная миграция молодежи в России // Вопросы образования. 2016. №3. С. 169-203.

2. Кузьминов Я.И. Структура вузовской сети: от советского к российскому «мастер-плану» // Вопросы образования. 2013. №4. С. 8-69.

Раюллина Татьяна Глебовна,
студентка,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург,
E-mail: rayullinat@mail.ru

Культурная дипломатия ЕС в странах Латинской Америки

Согласно Стратегии ЕС для международных культурных отношений 2016 г., в регионе Латинской Америки цель культурной дипломатии ЕС – развитие устойчивой экономики, социальное развитие, распространение демократии, верховенство закона, эффективное управление и уважение прав человека [1]. Также, ЕС предполагает достичь равного и взаимовыгодного сотрудничества ЕС и ЛА [2].

Способ достижения этих целей – развитие межрегиональных образовательных и культурных обменов [3].

Культурно-дипломатические мероприятия, как правило, направлены на развитие отношений между какими-либо двумя странами каждого региона: фестиваль музыки, кухни и искусства Суринама в Гааге [4], Бразильский кинофестиваль в Люксембурге [5] и т.п.

Крупные испанские компании (BBVAbank, SantanderBank, Mapfre, Telefónica и др.) разработали концепцию Предпринимательской дипломатии с целью продвижения культурно-образовательных программ для сотрудничества двух регионов [6].

Кроме того, каждый год провозглашается совместным годом двух стран, например 2017 г. – «Год Франции и Колумбии» [7], и проводится ряд различных культурных событий. Некоторая часть действий по реализации культурой дипломатии ЕС в Латинской Америке осуществляется в рамках международных событий.

Институты же для культурного сотрудничества ЕС и ЛА слабо развиты. Платформа для культурной дипломатии, работающая с марта 2016 г. – основной институт для культурной дипломатии ЕС в ЛА [8].

Кроме того, с 2009 г. проводится форум для молодых лидеров – «Европа встречает Латинскую Америку». На форумах обсуждаются такие темы, как культурное разнообразие, права человека, демократия, мир, свобода, социально-экономическое развитие и т.д. и достижение прогресса в данных сферах через культурную дипломатию [9].

Итак, благодаря общей истории, культура всегда занимала значительное место в межрегиональных отношениях. Тем не менее, в

основном культурное сотрудничество осуществляется в рамках двусторонних отношений между странами региона, а на наднациональном уровне институты культурной дипломатии слабо развиты. Основной упор делается на развитие экономического сотрудничества через культурную дипломатию. Мероприятий, направленных на развитие латиноамериканского региона и борьбе с его проблемами, гораздо меньше. Таким образом, заявленной цели способствовать социально-экономическому развитию ЛА уделяется гораздо меньше внимания, и межрегиональное культурное сотрудничество – несбалансированно.

Список литературы

1. Joint Communication to the European Parliament and the Council. Towards an EU strategy for international cultural relations // European Commission. 2016. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52016JC0029&from=EN> (accessed: 20.11.2017).
2. Cultural Diplomacy in Latin America (CDLA) // Academy for Cultural Diplomacy. URL: http://www.culturaldiplomacy.org/academy/index.php?en_cdea_european-latin-american-relationship (accessed: 20.11.2017).
3. European Union - Latin America and Caribbean Summit // European Parliament. 1999. URL: http://www.eu0roparl.europa.eu/intcoop/eurolat/key_documents/summits_eu_alc/i_29_6_1999_rio_en.pdf (accessed: 25.11.2017).
4. Reijnen R.B. Suriname Festival in The Hague // Cultural Diplomacy News. 2017. URL: <http://www.cd-n.org/index.php?suriname-festival-in-the-hague> (accessed: 25.11.2017).
5. Mancini S. Brazilian Film Festival to Take Place in Luxembourg // Cultural Diplomacy News. 2016. URL: <http://www.cd-n.org/index.php?brazilian-film-festival-to-take-place-in-luxembourg-1> (accessed: 25.11.2017).
6. Cultural Diplomacy Through Business Diplomacy in Spain and Latin America // Cultural Diplomacy News. 2016. URL: <http://www.cd-n.org/index.php?cultural-diplomacy-through-business-diplomacy-in-spain-and-latin-america> (accessed: 24.11.2017).
7. Zamalloa N. The Embassy of Colombia in Paris contributes to Cultural Exchange through Sports // Cultural Diplomacy News. 2017. URL: <http://www.cd-n.org/index.php?the-embassy-of-colombia-in-paris-contributes-to-cultural-exchange-through-sports> (accessed: 24.11.2017).
8. About Cultural Diplomacy Platform // Creativity Talks. 2017. URL: <http://www.creativetracks.org/profiles/101363/cultural-diplomacy-platform> (accessed: 24.11.2017).
9. Young Leaders' Forums. Europe Meets Latin America // Institute for Cultural Diplomacy. URL:

http://www.culturaldiplomacy.org/index.php?en_events_reviews_emla (accessed: 25.11.2017).

Ромашкина Альбина Бариевна,
аспирантка,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва,
E-mail: albrom@mail.ru

**Культурная дипломатия ЕС в странах Латинской Америки.
Инструментальный потенциал новых коммуникативных технологий в
сфере современной политики**

В информационную эпоху, в которую человечество вступило в конце XX в., происходит трансформация всех сфер жизни общества. Появились новые средства коммуникации с помощью интернет-технологий. Интернет как новое пространство коммуникаций создает новые различные формы социальных связей, а само пространство социальных медиа приобрело конкурентный характер. Конкуренция происходит за доминирование в массовом сознании тех или иных ценностей, образов, представлений, смыслов как внутри интернет-пространства, так и между «онлайн» и «офлайн» средой, которую контролируют государственные институты власти. Традиционное медиапространство постепенно уступает место социальным медиа для трансляции политической информации. Технологии убеждающей коммуникации используются при формировании новых виртуальных ценностных ориентиров. Это происходит в процессе горизонтальной коммуникации между пользователями социальных медиа, что позволяет эффективно использовать различные формы мягкой силы для создания необходимых представлений в массовом сознании о политической системе со стороны конкурентов государственной власти. Построение эффективной системы противодействия деструктивной направленности мягкой силы со стороны политических противников является одной из важнейших задач государственной власти для сохранения устойчивости всей политической системы.

Современные интернет-сообщества имеют ключевое отличие в своей структуре от традиционных СМИ – наличие развитой горизонтальной коммуникации. Пользователи социальных медиа постоянно осуществляют информационно-коммуникационное взаимодействие друг с другом, поэтому одностороннее вещание, как в традиционных СМИ, становится неэффективным в новом коммуникационном пространстве. В силу таких изменений самого коммуникативного пространства должны трансформироваться и средства, применяемые институтами власти для взаимодействия с гражданами. В интернет-пространстве представители

власти становятся равноправными участниками горизонтальных коммуникаций, как и остальные пользователи сети.

Эффективное противодействие мягкой силе политических конкурентов состоит в использовании государственными институтами власти всех коммуникационных возможностей современного общества, которые становятся социально-политической ценностью информационной эпохи. В интернет-пространстве важное значение приобретает не только само информационное сообщение, но и отношение пользователей к нему, его интерпретация, которая появляется в ходе горизонтальной коммуникации.

Русаков Василий Матвеевич,
доктор философских наук, профессор,
УрФУ имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург,
E-mail: dipi@nm.ru

Дискурс мобильности в контексте современной антропологической катастрофы

Современная литература, посвященная проблемам социальной мобильности [5], в которой находит свое выражение «дискурс мобильности» — исключительно разнообразна: понятая предельно широко, мобильность включает в себя а) всемирный социально-исторический процесс движения и развития всего человечества («антропоток» А. Пятигорский [4]); б) процессы разнообразной миграции, перемещения больших масс населения по планете [3, с. 9, 14-33; 6; 7; 9]; в) радикальные изменения в самом технологическом укладе современного общества рождают стремительные и глубокие перемены в способах и формах человеческой жизнедеятельности, которые оно едва успевает осмысливать [10], что отображается не просто в калейдоскопической смене фундаментальных идеологий, но в версии постмодернизма оборачивается их полным банкротством. Человечество в прошлом не раз переживало глубокие потрясения и эпохи радикальных изменений, но во второй половине XX века возникает отчетливое представление не просто о «текущей современности» (З. Бауман [1, с. 8-9]), но буквально — о «конце знакомого мира» (И. Валлерстайн [2, с. 162]). Более того, социокультурный алармизм перерастает в «катастрофизм». Все это заставляет радикально переформулировать проблему взаимосвязи мобильности-изменчивости и стабильности в обществе с точки зрения фундаментального изменения самих условий существования человека (*conditionsinequanon*) как вида живых существ, по крайней мере в тех формах, в которых мы полагаем его как человека. Здесь мы переходим к сущности этой новой ситуации — проблеме антропологической катастрофы.

Катастрофа, разумеется, понимается не в смысле банального ДТП («сбоя», «поломки», на путях движения человечества в глобально-историческом «антропоток»; таких было, как минимум, несколько). Катастрофа (в древнегреческом смысле этого термина) — это когда на данном отрезке пути за поворотом не видно направление дальнейшего движения (в просторечии — «крутой поворот», никому не известно, куда двинемся, после того, как повернем). Поэтому «Человек странствующий» (Homoviator), по Г. Марселю, мающийся в поисках смыслов и ценностей (Quovadis?), предстает лишь прозрением интеллектуала, чудом угадавшего тектонические сдвиги в социуме. Разрушение (дискредитация и отрицание) фундаментальных смысложизненных ориентаций и ценностей (смысл жизни, сущность человека (человечность= что есть человек?), солидарность, справедливость, счастье) — оправдывается, якобы, свершившимся крушением (банкротством) всех прежних идеологий: христианства, гуманизма, либерализма, социализма и коммунизма. Более того, даже само такое целеполагание и смысложизненное ориентирование (поиски смысла жизни) дискредитируется, высмеивается как архаизм или еще хуже — «тирания смыслов». В чем это выразилось? Разрушение традиционных социальных институтов, их содержания и функций (брак как не только юридически оформленный союз мужчины и женщины; семья как первичная ячейка общества — «микросоциум», включающая установленные традицией взаимоотношения полов и поколений, «микросоциума» и «макросоциума» — рода, племени, этноса; традиция и обычай как доправовые и внеправовые регуляторы общественных отношений, основанные на авторитете общественного мнения; исторические формы общности людей — род, племя, народность, нация — как естественно сложившиеся формы человеческого общежития и солидарности). Происходит отрицание перспектив существования и развития человечества («шок от будущего»; проповедь всевозможного катастрофизма и социальной деструкции; идеология потребительского энтертейнмента «здесь и теперь»; дискредитация всяких поисков путей развития человека и общества, замена их «плюралистическими «проектами»» в духе «трансгуманизма» (от улучшения человеческой породы, до выведения новой), наступления эры «постчеловека» (PostHuman) и т.п.) [8]. В XX веке нашел теоретическое и практическое воплощение тренд: от «человековедения» к «человеководству» (арийская раса, новый человек, люди будущего, киборги и клоны, «парадайсинжиниринг»). Складывается впечатление, что цель — вытравить из человека гуманистическую «дурь саморазвития и самореализации». Эти теории и практики вовсе не являются увлечением одиозных или маргинальных организаций.

Разрушение социума происходит путем атомизации общества, разрыва социальных связей и разрушения социальных институтов и «демоса» — (проповедь «гетерологии» = «все люди друг другу чужие», «другие», «иные», т.е. нет ничего общего, объединяющего, есть только Различие и

Другое). Производится широчайшее развитие всевозможных сект (в том числе – путем превращения традиционных конфессий в сборище взаимно ненавидящих друг друга сект). Это осуществляется, в том числе, за счет искусственного усиления всяческих «мобильностей» – гендерной, возрастной, профессиональной, социальной, культурной, пространственной и пр. Формируется господствующий дискурс, базовым принципом которого является идея: в обществе нет (и не может быть!) ничего стабильного, устойчивого. Стабильность означает только застой, следовательно, «Меняйся или умри!». Разумеется, рождается инстинктивное сопротивление — движение «Slow Life».

Но в этих процессах нас интересует, прежде всего, уничтожение субъектности человека (индивида и личности) под прикрытием всемерной защиты индивидуальной свободы – доведение индивидуализма до крайностей и абсурда, когда индивидуально-человеческое и личностное утверждается не результатом развития взаимодействия человека и общества, а деструктивного культивирования любых девиаций и аномалий индивидуального развития (поскольку всякие нормы рассматриваются только как репрессалии и инструмент уничтожения индивидуальности). Антропологические границы всевозможных пороков в истории человечества давно определились: наркотики, гомосексуализм, педофилия, зоофилия, садомазохизм, группенсекс; из относительно технологически «нового» — разве что «трансгендеры». Нельзя забывать, что господствующий дискурс обладает мощными властно-распорядительными ресурсами (кратологический аспект). Еще в 60-70-е гг. XX в. гуманистическая мысль боролась с нарастанием отчуждения во всех его формах. Ведь проповедь безграничной свободы индивидуума (изначально большинство смутно подозревает, что лживая) прикрывает мощное разворачивание институтов манипулирования сознанием и поведением человека (реклама, PR, маркетинг, СМИ и система образования, корпорации) — через индустриально внедряемые стандарты массового поведения, навязывания повесток дня, фрейминг, вплоть до мифологического «нейролингвистического программирования» или «нейромаркетинга». Все это крайне разрушительно сказывается на сферах человеческой деятельности, где прежде всего формируется и защищается человечность — воспитании, образовании и праве: не просто педалируется извечный вопрос — кого и чему учить, кого, зачем и как воспитывать, кого и за что казнить или миловать? Господствующий дискурс агрессивно переозначивает все семиотическое пространство человеческого общества. Утрачивается смысл всякого экономического планирования. Все сводится к текущему состоянию виртуального рынка, т.е. спекуляциям валютным, биржевым, торговле фьючерсами, долговыми обязательствами (покупка и продажа долгов)). Общественное воспитание разоблачается как лицемерие («все, что было пороками, стало нормой»); образование — как абсурдная зубрежка того, что устареет на следующий день; право — как произвол или временные конвенции, основанные на «праве силы».

Как уже было сказано, алармизм подобных констатаций господствующий дискурс снисходительно третирует с помощью ряда приемов: «такое не раз уже бывало в прошлом», следовательно, как-нибудь человечество переживет и эту беду. Кроме того, попытки доискиваться глубинных причинно-следственных связей дискредитируются обвинениями в конспирологии. Однако имеют место принципиальная новизна ситуации и беспрецедентность угроз. Никогда ранее человечество не располагало столь *мощными энергоресурсами*. В прошлом открытость и незаданность человеческой «природы» не выступала столь явно и не имела под собой столь мощного фундамента: только общество, открывшее, что оно само создает себя в процессе своего производства, в конце концов пришло к вопросу о «*незавершенности*» человека. В прошлом не было прецедента соединения таких средств и крушения традиционных смыслов и ценностей: например, при переходе от рабовладения к феодализму или от феодализма к капитализму новый строй *наследовал* старые технологические уклады (и получал новые технологические уклады уже в процессе развития на новой социальной базе).

Список литературы

1. Бауман З. Текучая современность. М., Питер. 2008. 240 с.
2. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., Логос, 2003. 368 с.
3. Доклад о развитии человека 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие. М., Изд-во «Весь мир», 2009.
4. Пятигорский А. Миграция. Диффузия. Антропоток: <http://antropotok.archipelag.ru/text/a177.htm>
5. Сорокин П.А. Социальная и культурная мобильность // Сорокин П. Человек, цивилизация, общество / Под ред. А.Ю. Соколова. М.: Политиздат, 1992. <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/ponyatie-socialnoy-mobilnosti.html>
6. Урри Дж. Мобильности. М: Праксис, 2012. 576 с.
7. Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М., ИД Высшей школы экономики, 2012. 336 с.
8. Bostrom N. A History of Transhumanist Thought // Journal of Evolution and Technology. Vol. 14 (1). April 2005.
9. Cresswell T. Towards and Politics of Mobility// Environment and Planning D: Society and Space. 2010. V.28. Pp. 17-31 // http://www.academia.edu/538488/Towards_a_Politics_of_Mobility
10. Mobilities : Volume 1. Issue 1. 2006.

Русакова Ольга Фредовна,
доктор политических наук, профессор,

Мобильность как значимая характеристика мягкой силы: концептуальные аспекты

Одним из современных трендов развития гуманитарных наук является соединение в одном исследовательском кластере сразу нескольких парадигмальных концептов. В русле данного тренда в настоящее время осуществляется формирование нового концептуального синтеза, а именно, - теоретическая взаимосвязь концептов мобильности и мягкой силы. Парадигма мобильности и связанный с ней «мобильный поворот» (mobilityturn) затрагивает сегодня все направления социально-политических исследований, включая теоретическую базу и измерительные инструменты мягкой силы государств. Данный поворот означает, во-первых, придание особой значимости феномену стратегической гибкости, тактической подвижности в ходе реализации конкретных программ развития мягкой силы. Во-вторых, включение фактора мобильности в теоретико-методологический арсенал государственных практик мягкой силы, позволяет особое внимание сфокусировать на таких показателях эффективности мягкой силы как способность страны придавать дополнительное ускорение процессам обмена людскими, культурными, образовательными, информационными, вещественными потоками. В-третьих, мобильность, рассматриваемая в качестве способности оперативно реагировать и отвечать на новые запросы общественного развития в государствах, выступающих объектами воздействия мягкой силы, становится важным показателем ее управленческих возможностей и глубины проникновения в социальную, экономическую и информационную ткань данного государства. В-четвертых, мобильность мягкой силы, с нашей точки зрения, предполагает умение оперативно интегрировать в одну стратегическую программу разнообразные инструменты мягкой силы, способность вовремя их перегруппировать в соответствии с изменившимися обстоятельствами. В-пятых, мобильность мягкой силы – это ее способность развиваться и усиливаться в едином ансамбле с инструментами «жесткой силы», то есть выступать необходимым интегральным компонентом smart power (умной силы).

По большому счету, под мобильностью как значимой характеристикой мягкой силы нами понимается оперативность, своевременность ее применения, отзывчивость к новизне общественных запросов, комплексность использования разнообразных инструментов мягкого влияния, способность к интеграции с инструментами жесткого влияния в целях усиления smartpower. Иначе говоря, фактор мобильности сообщает мягкой силе новые властные импульсы. В этой связи вполне можно согласиться с британским исследователем Тимом Крессвеллом, который предлагает рассматривать

мобильность в контекстах смысловых полей дискурсов власти, особо выделяя такой объект современных научных исследований как политика мобильности [3].

Особый интерес у исследователей вызывают такие виды мобильности как Интернет-мобильность, коммуникативная мобильность, маркетинговая и предпринимательская мобильность, миграционная мобильность, туризм, академическая, университетская и культурная мобильность. Все эти виды мобильности могут рассматриваться в качестве атрибутивных характеристик определенных форм мягкой силы, рассматриваемых в разных рейтинговых системах. К ним относятся: *immigration* (миграционная привлекательность), *tourism* (развитие туристической инфраструктуры и услуг для туристов), *university ranking* (университетский рейтинг) [4], а также – *digital* (развитие цифровых технологий), *engagement* (глобальное сотрудничество или публичная дипломатия), *culture* (культура, включая спорт и туризм), *enterprise* (предпринимательство), *education* (образование) [5]. Международная консалтинговая компания Portland в своей рейтинговой системе показателей мягкой силы выделяет такой субиндекс как *enterprise*, который направлен на измерение относительной привлекательности экономической модели страны с точки зрения обеспечения рыночной конкурентоспособности, возможностей для развития инновационного потенциала, предпринимательской культуры. С нашей точки зрения, при оценках данного показателя следует также учитывать такой фактор как *маркетинговая мобильность*, который выступает одним из гарантов коммерческого успеха. Маркетинговая мобильность реализуется в практиках рыночного продвижения товаров, услуг и брендов (промоушн), в расширении рыночного пространства, в рекламной экспансии и в поглощении конкурентов. Маркетинговая мобильность больших социальных систем сегодня рассматривается как условие успешного развития инноваций, преодоления кризисных ситуаций, экономической стагнации.

Реализация показателя мобильности как значимой характеристики мягкой силы страны сегодня особенно важна для России, которая стремится усилить свое влияние на постсоветском пространстве. Вместе с тем, до сих пор отсутствует четкий системный подход в научном проектировании и воплощении в жизнь отечественной стратегии *soft power*. Среди основных причин, тормозящий данный процесс, следует особо отметить фрагментарное, бессистемное участие институтов гражданского общества, в том числе, организаций народной дипломатии, просветительских, научных и культурных сообществ, в реализации проектов «мягкого» российского влияния. Кроме того, отсутствовало гибкое реагирование на социальные запросы конкретных слоев украинского населения, включая молодежь. Именно эти негативные моменты в области развития мобильных показателей мягкой силы не позволили России в свое время выиграть конкуренцию в применении мягкой силы со странами Европейского Союза и США. Отвечая на вопрос о том, почему в отношении Украины российская мягкая сила не

сработала, бывший глава Россотрудничества К.И. Косачев заметил: «Не скажу, что на Украине не было эффективной работы заинтересованных российских организаций. Здесь все эти годы были и диппредставительства, взаимодействующие, в том числе со структурами соотечественников, здесь был наш бизнес, наши субъекты Федерации и не в последнюю очередь здесь были наши центры науки и культуры. Могу сказать, что по линии Россотрудничества мы делали все от нас зависящее в пределах имеющихся ресурсов и нашей компетенции как госоргана, чтобы сохранять уровень российского культурного присутствия на Украине. Однако это несравнимо с тем, что столь долго и планомерно вкладывали в Украину Евросоюз и США, обращаясь с важными – в том числе идеологическими – посылами непосредственно к обществу, к украинским СМИ и НПО, к экспертным кругам, к молодежи в существенно большей степени, чем к властям или бизнес-структурам. Это гигантские ресурсы, затраченные на массированный стратегический сев, который дал свои мощные всходы в виде того же евромайдана» [2]. Отсутствие внимания к фактору мобильности как условию успешного применения мягкой силы получило критическое осмысление в выступлениях представителей МИД России. В частности, после известных событий на Украине, С. В. Лавров заявил: «Необходима существенная перестройка работы с общественностью не только на украинском, но и на всем постсоветском направлении. Рискованно во всем полагаться на очень важные, но все же статичные факторы вроде исторических корней, сохранения русского языка или русских диаспор – сами по себе они еще ничего не гарантируют... Нужны глубокий и трезвый анализ эффективности действий всех без исключения вовлеченных в эту сферу государственных и негосударственных институтов и формирование на основе этого анализа последовательной и долгосрочной работы в общегосударственном масштабе, а не усилиями одних дипломатических или культурных представительств» [1].

Следует также отметить, что политика мобильности в отношении применения инструментов мягкой силы России на постсоветском пространстве, к большому сожалению, пока не нащупала необходимый баланс между мягкой и жесткой сил, необходимый для реализации умной власти (smart power). Попытки нынешнего руководства России сформулировать данную стратегическую программу нередко приводят не к оживлению инновационных поисков, а к подъему консервативно-охранительных настроений и взглядов, предлагающих вернуться к советскому опыту международных коммуникаций. В советском опыте, безусловно, содержалась весьма ценная компонента соединения мягкого и жесткого внешнеполитического влияния. Однако, не все, что было эффективно в эпоху противостояния двух систем, применимо к исполнению на постсоветском пространстве. Определенным прорывом в данном направлении можно считать деятельность России по разрешению конфликта в современной Сирии. Возможно, данный опыт послужит примером для

усиления мобильности в реализации российской мягкой силы в странах Восточной Европы и Центральной Азии.

Список литературы

1. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в рамках «правительственного часа» в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Москва, 18 декабря 2013 года // URL: http://mid.ru/brp_4.nsf/0/C008A82590A16E7044257C4500393582 (дата обращения 02.01.2018).
2. Что мешает России улучшать свой имидж за рубежом? Интервью с К. Косачевым // Официальный сайт НП «Российский совет по международным делам» // URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3288#top (дата обращения 03.04.2018).
3. Cresswell, T. On the Move: Mobility in the modern West. New York: Routledge, 2006.
4. McClory, Jomathan. The New Persuaders: An international ranking of soft power // Rapid-growth markets soft power index – Institute for Government GB in collaboration with Institute for Emerging Markets Studies. 2010.
5. The Soft Power 30. 2017 // URL: <https://softpower30.com/soft-power-30-2017/> (дата обращения 02.01.2018).

Сакаев Василь Тимерьянович,
старший научный сотрудник
Центра исламоведческих исследований
Академии наук Республики Татарстана,
г. Казань,
E-mail: sakaev2003@mail.ru

Международные миграции как фактор политики в принимающих странах

Международные миграции являются важнейшим фактором развития современного мира. В настоящее время миграции приобрели глобальный характер и, во многом, определяют характер протекания политических процессов в большинстве стран мира.

При этом миграции принимают различные формы и характер воздействия на политическую сферу общества в зависимости от ряда факторов. Например, международные миграции по-разному воспринимаются в закрытых и открытых обществах. Первые, если не приветствуют миграцию, то, по крайней мере воспринимают ее нейтрально, как объективный фактор. Второй тип обществ рассматривает миграцию, как правило, как враждебное явление.

Воздействие миграции различается в зависимости от ее типа: легальная или нелегальная, ожидаемая или экстремальная. Немаловажную роль играют масштаб миграционных потоков, его этнический, конфессиональный, половозрастной, профессиональный состав, страна исхода мигрантов и т.д.

Какие формы приобретает и в чем выражается воздействие миграции на политические процессы в принимающих странах? Необходимо различать воздействие миграции на политические процессы и роль групп мигрантов как политических акторов в этих процессах.

Воздействие миграции выражается в следующем:

1) Миграционные вызовы влияют на формирование общественного мнения, что в демократических странах находит выход в результатах электоральных процессов. Миграционные проблемы, как правило, приводят к росту правых и националистических настроений, к увеличению общественной поддержки соответствующих партий и организаций.

2) Миграционные потоки нередко приводят к конфликтам с местным населением, когда формируются эмигрантские анклавные или начинается вытеснение коренного населения на локальном или даже региональном уровнях.

3) Миграция способна коренным образом изменить политический ландшафт принимающей страны в течение нескольких десятилетий, поскольку процесс легализации и натурализации мигрантов ведет к изменению состава населения на локальном или даже региональном уровнях и к соответствующему изменению состава избирателей.

Относительно роли мигрантов в политических процессах можно выделить такие аспекты как:

1) Прямое участие мигрантов в выборах в качестве избирателей в настоящее время возможно лишь в некоторых странах и только, как правило, на муниципальном уровне.

2) Интересы мигрантов могут активно продвигать и поддерживать их уже натурализовавшиеся соотечественники, из числа которых нередко появляются политики на локальном, региональном и национальном уровнях.

3) Возникновение групп давления, отражающих интересы мигрантов, в том числе через формы прямой демократии (митинги, шествия, забастовки и т.д.).

4) Неконвенциональные формы, в том числе, участие в экстремистских и террористических организациях на территории принимающих стран.

Сатыбалдина Диана Кайратовна,

аспирантка,

УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,

г. Екатеринбург,

E-mail: diasatru@gmail.com

Мобильности: история, развитие, трансформации

В рамках данной работы мы попытаемся рассмотреть, как изменялись представления о мобильности в разные эпохи, отталкиваясь от исследований, проведенных Т. Крессвелом.

В европейском феодальном обществе мобильность была привилегией знатных слоев общества, основная же часть населения не меняла место своего пребывания на протяжении всей жизни. Феодальная система закрепляла человека на территории, запрещая свободные перемещения, путешествия по дорогам Средневековья были делом весьма небезопасным, а «быть подвижным значило существовать на границах» [1, с. 11], обладание мобильностью вело к возможности обладания статусом. Имел место двухсторонний процесс: быть мобильным означало быть маргиналом или находится у подножия социальной лестницы и наоборот, обладать низким социальным статусом, значит, иметь возможность быть мобильным.

Ситуация меняется в эпоху Нового времени, озаглавленного новым масштабом движения между странами и континентами, Европа «столкнулась с невиданными ранее уровнями мобильности к новым землям, которые безоговорочно ассоциировались с торговлей» [1, с. 12]. На смену средневековым «мобильным» маргиналам приходят новые люди, не вписывающиеся в систему социальных отношений, эти «люди были бездомными и экономически маргинальными» [1, с. 12]. Одной из черт государства становится контроль над мобильностью людей. Мобильность начинает становиться ценностью, которой можно лишиться и манипулировать. Подобные идеи не были присущи Средневековью, где действительно мобильных людей считали сумасшедшими, больными или относили к творческим.

Последние 200 лет развития Западного общества можно считать прорывными, потому что не заметить мобильность уже невозможно, не учитывать – значит, упустить пласт социальных отношений, важные элементы формирования социального пространства. По Крессвеллу складывается новая метафизика мобильности, формирующая особый способ современного мышления, и более того первые поколения американских социологов Чикагской школы отводили мобильности центральную роль в понимании мира.

Одно лишь изучение миграций, право на которую Арджун Аппадурай считает центральной для мобильности, включает в себя множество исследовательских школ и подходов. Одним из дискурсов пространств мобильности является изучение неподвижности/спокойствия. Этот аспект появился в теории мобильности не сразу, однако показал, что у людей бывают разные «оболочки неподвижности»: вынужденные, приобретаемые вместе со статусом, конструируемые. Сегодня существует целый ряд практик, позволяющий формировать неподвижность/спокойствие либо

комплекс ощущений, свойственный состоянию неподвижности, не пребывая в нем.

В наше время становится очевидной двойственная природа мобильности: в ее описании и анализе всегда есть место иммобильности, при этом в культуре формируется и воспроизводится мобильный дискурс постоянного движения.

Список литературы

Cresswell T. On the move / Taylor & Francis Group, LLC, New York, 2006.

Слюсарев Владимир Владимирович,
аспирант кафедры философии
ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород,
E-mail: slyusarevvladimir@gmail.com

Мобильность и государство как социальное противоречие

Обращаясь к современным проблемам, занимаясь поиском ответов на актуальные вопросы, пребывая в поиске ответов на глобальные вызовы иногда полезно обратиться к прошлому. «Все новое – хорошо забытое старое». В подобном контексте, выглядит вполне оправданным обращение к древности, к «юности» человека, а именно – к антропологии и первым антропам. Согласно одной из общепринятых антропологических теорий, выделения человека из животного мира произошло под воздействием радикальных изменений климата, сократившие емкость среды обитания и вынудившие часть приматов искать пути к выживанию. Можно назвать два основных, взаимосвязанных проявления поиска этого пути – мобильность и адаптация. Ряд авторов объединяет их в единую концепцию миграции [1]. Иными словами – мобильность является неотъемлемой частью выживания и развития человека как вида. Человек всегда *Номад*.

Определяя, вслед за Ю.М. Лотманом [2], культуру в качестве совокупность информации, передаваемой ненаследственным (негенетическим) путем, можно заключить, что на определенном этапе развития совокупный культурно-информационный багаж вынудил раннего человека искать некие устоявшиеся формы, которые бы позволили обеспечить большую преемственность поколений. Институализировать культуру, формируя цивилизации, основанные на оседлом стиле жизни. На базе этого посыла начали возникать первые общественные сложно-иерархические структуры – государства, – вынужденные, в силу своей природы, ограничивать свободу перемещения людей для повышения своей эффективности. Возникает внутренне противоречие человеческого общества – необходимости постоянного обновления и мобильности противостояла

структура контроля, которая достигла своего максимума в форме рабства, крепостничества и иных форм закрепления человека. Однако, уже на новом уровне, возникла необходимость в мобильности в форме культурного обмена. Новая «миграционная тяга», вылившееся в борьбе за свободу, глобальном освобождении, установлении прав и свобод человека. В совокупности, эти явления породили волну технического прогресса, начавшуюся во второй половине XIX века и длящуюся до сих пор.

С приходом современных технологий обмена больших объемов данных и скорости их передачи, выраженных, как правило сетью Интернет, снова изменяется структурно-онтологический уровень мобильности, которая теперь окончательно уходит в сферу информационных технологий. Фактически, происходит раздвоение мира человека (Lebenswelt) на два онтологически разных феномена – телесное здесь-оседлость и культурно-информационная мобильность. Последняя, при этом, снабжена рядом механизмов защищенности от влияния каких-либо внешних структур (распределенные сети, криптошифрование и т.д.). Оказавшись под подобным давлением, институту государства более ничего не остается, как смириться с невозможностью применения жестких методов и принять необходимость действовать с помощью «мягкой силы».

Список литературы

1. Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб., 1999.
2. Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллин, 1992.

Спиридонова Анна Александровна

магистрант,

Иркутский государственный университет,

г. Иркутск,

E-mail: annaspiridonova81@mail.ru

Мобильность и преемственность государственной службы в Российской Федерации

Государственная служба в Российской Федерации строится на принципах иерархичности и преемственности. Она имеет давнюю историю. Но реалии современности заставляют применять «мягкие технологии», чтобы адаптироваться к меняющемуся миру, а это влечет за собой расширение сфер и форм социальной мобильности государственных служащих. Одни готовы к данным переменам и сами ищут возможности для социальной мобильности, включения в новые проекты, получения нового опыта и знаний, другие, наоборот, боятся перемен и не хотят никаких нововведений.

Задача ученых и руководителей кадровых служб государственных органов власти, а также их руководителей найти компромисс между всеми, внедрить технологии социальной мобильности, не разрушая кардинально старую систему, а мягко ее трансформируя, вводя в штатное расписание новые должности, подбирая людей, с не традиционными для государственной службы качествами (креативность, инновационность, нестандартность мышления и проч.).

Наше исследование касалось социальной адаптированности государственных служащих Аппарата Губернатора и Правительства Иркутской области к мобильности и преемственности функционирования социальных институтов государственной службы. В исследовании приняли участие 250 человек, в возрасте от 25 до 60 лет, 60% женщин и 40% мужчин. На данном месте они работают от 2 до 10 лет.

Методы исследования: анкетой опрос, 4 фокус-группы по 9 человек в каждой.

Результаты исследования:

1. Около 40% респондентов не хотели бы, чтобы система государственной службы трансформировалась, а 60% готовы меняться и адаптироваться к новым реалиям.

2. Респонденты указывают на непрозрачность построения карьеры и сложность реализации социальной мобильности.

3. Зачастую нахватает опыта в понимании причин возникновения проблем, т.к. зачастую служащие имеют дело с последствиями проблем, не понимания и, не имея возможность устранить первопричину, работают по кругу (впустую).

4. Из-за бюрократизма внутренних производственных процессов и непонимания возможностей личного и профессионального развития, происходит стагнация и профессиональное выгорание государственных служащих.

Рекомендации:

1. Необходимо создавать дополнительные условия и нормативные механизмы для социальной мобильности и мобильности построения карьеры. Расширение перспектив личной и социальной реализации в профессиональной деятельности.

2. Необходимо открытое формирование положений для профессиональной мобильности и карьерного роста государственных служащих.

3. Необходимо внедрение опыта стажировок в смежные подразделения государственной службы, коммерческие структуры, некоммерческие организации (в зависимости от профиля работы) для получения обратной связи с тем, с кем приходится работать «изнутри».

Столетов Олег Владимирович,
кандидат политических наук,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва,
E-mail: Oleg-Stoletov1@yandex.ru

**Молодежная дипломатия как инструмент «мягкой силы»
современной России: к новому качеству информационной мобильности**

Молодежная дипломатия в современном трансформирующемся мире динамично развивается. По нашему мнению, это происходит по нескольким основным причинам. Во-первых, молодежная дипломатия воспринимается ведущими современными государствами как значимый инструмент международной имиджевой политики, продвижения своей международной повестки и расширения международных общественных контактов. Во-вторых, механизмы молодежной дипломатии являются эффективным средством отбора наиболее талантливой молодежи, а также подготовки профессиональных кадров для официальной и публичной дипломатии государств. В-третьих, заинтересованные правительственные и неправительственные структуры посредством молодежной дипломатии заимствуют у молодежи наиболее перспективные и креативные идеи, новаторские приемы международной коммуникации. В-четвертых, в условиях увеличения количества разнообразных многосторонних дипломатических форматов данный вид дипломатии используется для продвижения брендов соответствующих международных объединений среди молодежной аудитории различных государств мира. В-пятых, молодежная дипломатия тесно связана с международным позиционированием ведущих университетов, неправительственных организаций соответствующих стран, обеспечивающих ее сопровождение.

Для современной России, помимо выше упомянутых причин, молодежная дипломатия представляет особую важность в контексте решения на общегосударственном уровне задач по преодолению деструктивных попыток осуществить частичную международную изоляцию страны со стороны США и их союзников. Развитие международной молодежной дипломатии призвано помочь России реализовать стратегический внешнеполитический интерес в проведении многовекторной политики, в первую очередь, в ключевых для нее с политико-экономической точки зрения международных регионах. Речь идет, в частности, об активизации молодежного измерения межпарламентской дипломатии. В июне 2015 года Россия провела Первый молодежный форум стран БРИКС и ШОС в Уфе. Впоследствии Россия инициировала создание Международной ассоциации молодых парламентариев (International Youth Parliamentarian Association), решение о формировании которой было принято на форуме молодых парламентариев стран БРИКС, состоявшемся в октябре 2017 года в Санкт-

Петербурге. В настоящее время данная работа проводится Центром международного продвижения совместно с индийским партнером – BRICS International Forum.

В последние годы Россия все более активно использует международную молодежную дипломатию для взаимодействия с зарубежной диаспорой. С 2010 года Координационный совет российских соотечественников в Болгарии, Федерация «Союз соотечественников» и национальное общество «Вместе с Россией» ежегодно проводят в Софии международный молодежный форум «Молодежь строит будущее». В 2017-2018 годах молодежные форумы российских соотечественников впервые прошли в Турции, Хорватии, Испании, Греции. Организаторами международных молодежных мероприятий выступали Координационные советы объединений российских соотечественников, молодежные организации российских соотечественников в соответствующих странах. Форумы проводились при поддержке Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом, МИД России, российских посольств, зарубежных представительств Россотрудничества. К участию в мероприятиях были привлечены активисты ассоциаций соотечественников, молодые русскоязычные журналисты, блогеры, общественные деятели, а также организаторы и участники акций, посвященных главным российским государственным праздникам и памятным датам.

Экспертное измерение молодежной дипломатии России сегодня также динамично развивается. В стране формируются новые платформы для профессиональной подготовки молодых экспертов-международников, а также для более активной коммуникации между российской и иностранной молодежью, ориентированной на построение дипломатической карьеры. Российские «фабрики мысли» принимают в этом процессе активное участие.

РСМД совместно с Союзом журналистов России и журналом «Международная жизнь», при поддержке ИА «Интерфакс» и журнала «Россия в глобальной политике», регулярно проводят Конкурс журналистов-международников. Большое количество интеллектуальных конкурсов для молодых исследователей и аналитиков в сфере внешней и мировой политики организует Фонд Горчакова, в том числе совместно с другими структурами. Образованный в 2010 году Центр поддержки и развития общественных инициатив «Креативная дипломатия» реализует такие проекты, как Форум молодых дипломатов стран СНГ, Курс общественного дипломата. Международные конкурсы студенческих научно-аналитических работ по региональной мирополитической проблематике проводятся Центром внешнеполитического сотрудничества имени Е.М. Примакова, учрежденным в 2015 году. Начиная с 2014 года, по инициативе Совета молодых дипломатов МИД России и при поддержке руководства МИД России, организуется Форум молодых дипломатов. Данные форумы проводятся в самых различных многосторонних дипломатических форматах. Кроме этого, 16-20 октября 2017 года в Сочи в рамках Всемирного Фестиваля

молодежи и студентов (ВФМС) прошел первый Глобальный Форум молодых дипломатов. В Форуме участвовали более 120 сотрудников внешнеполитических ведомств из 60 государств мира. По итогам Форума было принято решение о создании Международной Ассоциации молодых дипломатов.

В рамках достижения нового качества информационной мобильности международной молодежной дипломатии России представляется возможным рекомендовать ряд мер. Во-первых, обеспечить системную стратегическую интеграцию деятельности российских общественных организаций, обеспечивающих реализацию проектов в сфере молодежной дипломатии, ведущих вузов и международно-ориентированных экспертно-аналитических центров. Во-вторых, придать устойчивость двусторонним и многосторонним международно-коммуникативным молодежным форматам макрорегиональной ориентации (ранее существовавших и новых), характеризующихся содержательной проектной привязкой к ключевым для России площадкам экономической, экспертной, научной и культурной дипломатии. В-третьих, повысить уровень координации и слаженности работы национальных федеральных и региональных правительственных и неправительственных структур, представительств Россотрудничества, ассоциаций российских соотечественников за рубежом, вузов, колледжей, школ в области реализации молодежных дипломатических проектов. В-четвертых, оказать организационную и финансовую поддержку молодежным гражданским инициативам, призванным придать большую специализацию, профессиональность, социальную значимость, тактическую продуманность и стратегическую направленность проектному взаимодействию молодежных аудиторий в рамках различных направлений совместной деятельности, опирающимся на человеческий и институциональный потенциал российских и зарубежных университетов, неправительственных организаций, политических партий, русскоязычной диаспоры за рубежом. В-пятых, увеличить внимание крупных российских традиционных СМИ, новых медиа к освещению мероприятий молодежной дипломатии различного масштаба и формата.

Список литературы

1. Интеллектуальная экспансия. Российские «фабрики мысли»: возможности влияния в международном экспертно-политическом пространстве // Экспертный институт социальных исследований, 2018. 43 с.
2. Курс общественного дипломата. Учеб.-метод. материалы № 4/2017 / Н.В. Бурлинова, Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2017. 76 с.
3. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. №2403-р

Строганов Вадим Борисович,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
аспирант кафедры политических наук
Екатеринбург, Россия
E-mail: tarangarret@mail.ru

Политическая ризоморфизация интернета как форма «мягкой силы»

Активное развитие такого феномена как «новые медиа», для которого характерны такие свойства как интегративность, интерактивность и партиципаторность [6, с. 109], позволяет нам рассмотреть феномен «мягкой силы» с точки зрения нового подхода. Созданию такого подхода способствует феномен политической ризоморфизации. Данный феномен требует подробного рассмотрения. Под «ризомой» принято понимать разветвлённую корневую систему с множеством "узлов", которая отменяет жесткую иерархию отдельных элементов [3]. Ризома предлагает принципиально нелинейный способ организации целостности [1]. Слово «ризоморфный» мы используем в том значении, которое вкладывали в понятие ризомы Жиль Делёз и Феликс Гваттари: «Ризома сама по себе имеет очень разнообразные формы, начиная со своей внешней протяженности, разветвленной во все стороны, до конкретизаций в луковицы и клубни» [2].

Современный человек находится в условиях постоянного циркулирования вокруг него различного рода информации. При этом в условиях взаимодействия с «новыми медиа» человек является не просто получателем информации, как это происходило в процессе соприкосновения человеческой жизни со «старыми медиа». Он также играет роль распространителя информации, а часто – сотворца наравне с официальными медиа-структурами. В результате, практически каждый пользователь может выступать в роли сотворца и распространителя любого политического контента. Из этого следует, что нарушается линейный способ коммуникации от субъекта к объекту. В таком случае отсутствует четкая иерархия пользователей и четкое направление передачи информации. В конечном итоге, векторная передача информации заменяется горизонтальной, или ризоморфной. Исходя из этого, мы считаем необходимым выделить новое понятие – «ризоморфизация».

Под понятием «ризоморфизация» мы понимаем процесс преобразования линейной формы коммуникации в сетевую, хаотичную систему коммуникации равных друг другу акторов. На наш взгляд, основными особенностями ризоморфизации являются: 1) протяженность и разветвленность линий коммуникации, в которой задействованы акторы; 2) отсутствие строгой иерархии между акторами коммуникации, что обусловлено созданием сетевых групп [4, с.13-79]; 3) в данной системе задействовано огромное количество акторов, которые регулярно создают новые и закрывают старые каналы передачи информации; 4) передача

информации в рамках ризомы носит «вирусный», хаотичный характер, который не поддается контролю со стороны [5, с. 458].

Под «политической ризоморфизацией» мы понимаем процесс сетевой, хаотичной системы политической коммуникации, не поддающийся прямому контролю со стороны. Одной из ключевых сфер применения технологий Soft Power сегодня является интернет. В контексте интернет сети, мы выделяем следующие особенности политической ризоморфизации: 1. хаотичная, не поддающаяся контролю передача политической информации; 2. применение новых технологий влияния на общественное мнение, ранее не используемых в «старых медиа», например СМИ; 3. подача политической информации носит фрагментарный характер, что не позволяет создавать пользователям цельную картину мира; 4. каждая отдельная ячейка, или сетевая группа, обладает собственным набором политических верований, установок и взглядов; 5. отсутствие строгой иерархии упрощает процесс привлечения новых сторонников; 6. обладание широкими возможностями для политической коммуникации: чаты, форумы, блоги, социальные сети; 7. огромная скорость передачи информации, как благодаря неограниченному количеству направлений коммуникации, так и упрощение самого политического контента, наиболее часто представленного в виде мемов.

Политика в интернете носит хаотичный, не поддающийся контролю со стороны институциональных структур характер, что с одной стороны делает фактически невозможным прямой контроль над циркулированием информации в сети, с другой, - открывает возможности для применения широкого арсенала манипулятивных политических технологий. Следовательно, политическая ризоморфизация выступает такой формой «мягкой силы», технологии и методы которой, являются наиболее адаптированными под особенности политической интернет коммуникации.

Список литературы

1. Академик. Новейший философский словарь. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1020/ризома (дата обращения 05.03.2018).

2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: глава первая // Альманах «Восток» [электронный журнал]. – URL : http://www.situation.ru/app/j_art_1023.htm (дата обращения : 05.03.2018).

3. Современная западная философия: Словарь. 2-е изд., переработанное и дополненное. М.: ТОН Остожье, 1998. 357 с.

4. Строганов В.Б. Мобилизация политической активности подростков: манипуляция сознанием или проявлением гражданственности / В.Б. Строганов // Материалы XX Международной конференции памяти проф. Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования». 2017.

5. Фурсов А.И. Борьба вопросов. Идеология и психоистория: русское и мировое измерения. М.: Книжный мир, 2017. 458с.

6. Шестеркина Л.П. Основные характеристики новых социальных медиа / Л.П. Шестеркина, И.Д. Борченко // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2014. №2. 109 с.

Сущенко Анастасия Дмитриевна,
кандидат социологических наук, м.н.с.,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург,
E-mail: a.sushchenko_@mail.ru

Судакова Анастасия Евгеньевна
кандидат экономических наук, доцент,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург,
E-mail: a-chusova@mail.ru

Интеграционные процессы стран ЕАЭС: как они влияют на мобильность иностранных студентов в РФ?

В статье рассматриваются особенности интеграционных процессов для стран-участниц Евразийского экономического союза, взаимосвязь между потребностью российской экономики в трудовых ресурсах и ориентациями иностранных студентов на дальнейшее трудоустройство.

Интеграционные процессы стран ЕАЭС, созданного на базе Таможенного союза, подразумевают их сетевое взаимодействие и многостороннее сотрудничество, что позволяет рассматривать отношения между странами с позиции стейкхолдерского подхода. Интеграция между отдельными государствами (Россией, Казахстаном и Белоруссией) на постсоветском пространстве усиливается за счет расширения сети партнерских отношений ЕАЭС, присоединения новых участников: Киргизии и Армении.

Авторы исследуют мотивации студентов стран ЕАЭС, их ориентации на развитие образовательных и профессиональных траекторий в России, в частности в Свердловской области, на основе эмпирических данных опросов в 2014-2015 гг. Данные дополнены анализом документов за 2010-2016 гг. из открытых источников Евразийской экономической комиссии по ключевым экономическим показателям (взаимная торговля товарами) и социальным показателям, отражающим ситуацию на рынке труда (численность безработных, число свободных рабочих мест), а также данными Росстата о численности студентов из стран ЕАЭС, обучающихся в российских вузах за

2013-2016 гг. Содержание и интенсивность интеграционных процессов связаны с уровнем экономического развития страны и качеством ее человеческого капитала. Промышленный потенциал России, возможность свободного перемещения трудовых ресурсов, а также ожидания абитуриентов относительно высокого качества российского образования и перспектив трудоустройства повышают привлекательность страны для будущих молодых специалистов разных квалификаций.

Согласно проведенным исследованиям, для обеспечения потребностей экономики страны необходимо целенаправленное формирование у студентов из стран ЕАЭС мотиваций на получение в российских вузах высшего образования, востребованного на рынке труда. В странах ЕАЭС со сравнительно слабой индустрией увеличение объемов экспорта российской продукции создает отток местных кадров, в том числе молодых специалистов. Исследования показывают, что около половины магистрантов из стран ЕАЭС ориентированы на трудоустройство в России. Особенно это характерно для граждан Казахстана и Кыргызстана.

Результаты исследования применимы для развития и совершенствования на последующих этапах сотрудничества стран Евразийского союза в области высшего образования и кадровой политики, в том числе по проблемам мобильности трудовых ресурсов, подготовки кадров с учетом потребностей рынка труда в высококвалифицированных специалистах, а также для эффективных инвестиций в человеческий капитал.

Табаринцева-Романова Ксения Михайловна,

доцент кафедры,

Уральский федеральный университет имени

первого Президента России Б. Н. Ельцина,

г. Екатеринбург,

E-mail: kmromanova@mail.ru

Ушакова Алена Борисовна,

Студентка,

Уральский федеральный университет имени

первого Президента России Б. Н. Ельцина,

г. Екатеринбург,

E-mail: alyona.ushakova@mail.ru

Участие итальянских регионов в культурной политике Европейского союза

В настоящее время ЕС в области культуры занимается решением задач в следующих направлениях: защита общего культурного наследия; обеспечение его доступности для всех; поддержка и продвижение искусства

и творческого сектора; поддержка научных исследований и образования (включая изучение иностранных языков); поддержка социальной политики; поддержка регионального развития. Основными инструментами реализации культурной политики являются различные культурные программы, направленные на развитие того или иного сектора в области культуры, а также на укрепление взаимодействия в этой сфере не только между странами-членами ЕС, но и странами ЕС и третьими странами. Развитие культурной политики ЕС связано с активным вовлечением культуры во внутреннюю и внешнюю деятельность организации. В мае 2007 г. Европейская комиссия предложила Европейскую стратегию для сферы культуры, основанную на трех принципах: культурное разнообразие и межкультурный диалог; культура как катализатор творчества; культура как ключевой компонент международных связей. Одним из последних стратегических документов является принятая в июне 2016 г. «Новая стратегия развития международных культурных отношений», основными целями которой стали: укрепление культурного сотрудничества и взаимодействия между ЕС и странами – партнерами; мировой порядок, основывающийся на мире, на уважении прав человека, на свободе выражения, на взаимном понимании и уважении фундаментальных ценностей.

С 1996 г. регионы Италии через свои представительства интенсивно занимаются парадипломатией (налаживают взаимодействие с общественными организациями, а также с другими иностранными регионами и между теми же итальянскими регионами). Так, Абруццо определил себя как «Регион Европы»; Калабрия заявила о присоединении к Хартии прав ЕС; Кампания считает себя частью интеграционного европейского процесса, Лацио занимается продвижением европейской интеграции как фундаментальной ценности собственной идентичности и т.д.

Вопросами в области культуры на уровне ЕС занимается Комиссия по культурному наследию и культурной деятельности в рамках Конференции регионов и автономных провинций. В ее компетенции входят такие предметные области как: сохранение культурного наследия; продвижение и организация культурных мероприятий и развлечений; популяризация региональных музеев и библиотек; организация спортивных мероприятий и досуга.

Итальянские регионы активно вовлекаются в реализацию культурных проектов ЕС, например: «культурная столица Европы» (одновременно с городом идет активное продвижение всего региона в целом); «Креативная Европа»; защита культурного наследия (например, Меморандум между Фриули-Венеция-Джулией и ЮНЕСКО о продвижении образовательных программ и мероприятий для молодежи по защите культурного наследия). Помимо участия в европейских программах в области культуры, регионы активно выступают за соблюдение культурных прав, особенно в области защиты языка и культуры национальных и языковых меньшинств.

Тернов Николай Максимович,
бакалавр,
Сибирский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Новосибирск,
E-mail: bengunnwithlove@gmail.com

Изменение концепции внешней политики РФ как новый взгляд на мягкую силу в Центральной Азии

Регион Центральная Азия на протяжении веков входит в сферу интересов многих континентальных держав и империй. После распада Советского Союза, Казахстан стал объектом повышенного внимания целого ряда стран не только Европы, но и всего мира. Первоначальные интересы России к Казахстану заключались в урегулировании границ и налаживания сотрудничества. Спустя десятилетия, трансформация системы международных отношений, появление новых геополитических акторов в Евразийском пространстве, перед РФ наблюдаются новые вызовы и угрозы. В первую очередь, подобные угрозы связаны с появлением новых политических режимов в странах постсоветского пространства с антироссийскими настроениями и последующей нарастающей агрессией в приграничных регионах. Немаловажным на данный момент является то, как население стран постсоветского пространства воспринимает Россию, её политику и действия на международной арене.

В связи с этим, в концепции внешней политики РФ, обозначено, что особое внимание должно быть уделено гуманитарной политике. Целью данной политики является «формирование отношений добрососедства с сопредельными государствами» и «развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами-участниками СНГ» и «формирования ЕАЭС». Об актуализации «гуманитарной политики», как части «мягкой силы» [1] говорит пересмотр концепции внешней политики РФ [2]. Впервые, в концепции было дано определение «мягкой силы» как «комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии» [2].

Подобные цели преследуют и другие государства, участвующие в «Новой большой игре». В первую очередь, основные акторы на центральноазиатском пространстве – РФ, США и Китай. Геополитические акторы используют разные инструменты для достижения собственных целей: от медиа технологий до НКО [3]. Особую роль в этой конкуренции играют и сами государства ЦА, оказывая сопротивление некоторым странам и

формируя собственную политику. В итоге, страны ЦА прибегают к экономическому протекционизму и всячески усиливают национальные суверенитет.

Список литературы

1. Nye J.S. Soft power [Text] / J.S. Nye // Foreign Policy. 1990. № 80. P. 153-171.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 30 ноября 2016 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 10.03.2018).
3. Помощь России странам Центральной Азии превысила \$ 6 млрд. за 10 лет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eurasia.expert/pomoshch-rossii-stranam-tsentralnoy-azii-prevysila-6-mlrd/>

Ткач Дмитрий Николаевич,
студент,
МГИМО МИД России,
г. Москва,
E-mail: mitya_tkach@mail.ru

Влияние областей и городов Италии на формирование национального потенциала «мягкой силы»

Сегодня принято считать, что «мягкая сила» по сути своей – это способность какого-либо государства добиваться поставленных целей в рамках своей внешней политики не через подавление и применение силы, а через убеждение или привлечение. Такое определение понятию дает американский ученый Джозеф Най, и чаще всего в современном академическом дискурсе «мягкую силу» ассоциируют с нематериальными ресурсами, а именно с культурным наследием, ценностным комплексом, инновационным потенциалом, иногда с социально-экономическими особенностями.

Отмечаемый на современном этапе эволюции мировой политической системы тренд к развитию парадипломатии, т.е. дипломатии регионов и городов видится вполне разумным рассмотреть и в контексте «мягкой силы». Италия, будучи страной, чья история внесла огромный вклад в становление современной дипломатии, является ярчайшим примером парадипломатии. Помимо особых форм представительства итальянских областей в структурах ЕС, отметим инициативу мэра Флоренции Джорджо Ла Пира, который еще в 1955 г. созывал мэров столиц мира для обсуждения значимости города как

центра накопления мирового духовного и культурного опыта. Данный проект – это показатель тенденции к сотрудничеству городов, в рамках которого в 1960-е годы широкое распространение получило движение городов-побратимов.

Итальянские города и области имеют значительные предпосылки к тому, чтобы конструировать образ Италии как государства, т.е. формировать потенциал «мягкой силы». Среди этих предпосылок можно назвать, в первую очередь, географические: природные условия на Апеннинском полуострове очень разнообразные, что позволяет говорить о специфике климата, флоры и фауны в разных областях Италии. Во-вторых, особое фундаментальное значение имеет исторический фактор. До Рисорджименто на территории современного итальянского государства существовало 10 развивающихся самостоятельно государств со своими особыми формами устройства социальной, политической и экономической жизни. Более того и что имеет критическое значение, Италия до сих пор хранит наследие не только Западной цивилизации. Влияние арабского мира на итальянскую культуру в VIII-XI вв. до сих пор находит отражение в традициях юга Италии, в частности Сицилии. Такая культурная «пестрота» объективно очень привлекает иностранную общественность – памятники архитектуры городов Рима, Пизы, Флоренции, Мессины, региональная кухня становятся компонентами имиджевого комплекса Италии, а сама Италия, благодаря таким особенностям, занимает первое место по количеству объектов всемирного наследия ЮНЕСКО на своей территории и является пионером таких движений, как «слоуфуд».

Но помимо культурных ценностей регионов, составляющих итальянскую «мягкую силу», важно отметить и аспекты, связанные с экономическим развитием. Области и города часто служат воплощением конкурентных преимуществ итальянской экономики для зарубежной публики. Например, Милан – всегда являлся признанным центром мировой моды. Некоторые предприятия включают название городов или областей в бренды своей продукции, например, торговая марка «Parmalat» (от названия города Пармы и слова «latte» – с итал. молоко). Особо стоит отметить популярность итальянских промышленных округов, модель которых находит применение и в других регионах мира. Так, например, среди первых конкретных результатов создания промышленных округов в России можно привести так называемый «пилотный проект» в Липецке, реализовывавшийся при поддержке администрации города Липецка и итальянской области Марке.

Таким образом, итальянские города и области активно участвуют в формировании национального потенциала «мягкой силы» как набора нематериальных ресурсов. Специфика истории итальянской государственности способствовала природному и культурному разнообразию областей Италии, привлекающих внимание внешнего мира, а с экономической точки зрения итальянские города и регионы активно

продвигают за рубежом некоторые национальные бренды и хозяйственные модели.

Ткаченко Олеся Евгеньевна,
студентка,
Педагогический институт Иркутского государственного
университета,
г. Иркутск,
E-mail: m_a_r_e_v_o@outlook.com

Мобильность миграции: сила или слабость развития государства

Для социально-экономического развития, государству необходим высокий уровень человеческого капитала [4]. Это достижимо, например, миграционными процессами – привлечением продуктивных и одаренных людей, в том числе, с помощью политики мягкой силы.

Мягкая сила - форма внешнеполитической стратегии, предполагающая способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности. Данная политика играет ключевую роль в международных отношениях, влияя напрямую, или косвенно, на мировую политику и деловые связи.

Фактор мобильности, выраженный миграционными процессами, является и источником и показателем «Мягкой силы»: притягательная культура и комфортные условия жизни создают основу для формирования, а заинтересованность граждан благами страны – показатель работы [3]. Особенно значима привлекательность государства в глазах деятельных и одаренных людей, её успех как точки притяжения для сообразительных граждан.

В России, на данный момент, около 80% иностранных студентов – это приезжие из Африки и бывших стран СССР. Выбор место обучения, для которых, детерминирован благополучной обстановкой в стране и более высоким уровнем образования по сравнению с родиной [1].

Из России же, странами лидерами при выборе студентов для обучения, являются: США, Германия, Франция и Великобритания, притом каждый второй из учащихся за границей уже имеет законченное в России высшее образование, каждый десятый закончил аспирантуру, а ряд лиц защитили кандидатскую диссертацию. Около 70% обучающихся россиян за границей, можно назвать молодыми учеными, притом, что из общего числа студентов, 62% находятся в поиске работы еще во время обучения, а 42% уверены, что их труд является более актуальным на Западе, нежели на родине. Четкую ориентацию возвращения на родину выражает только каждый пятый из студентов [2]. Из чего следует, что взаимовыгодного обмена студентами между Россией и другими странами не происходит, она не является

достаточно привлекательной для абитуриентов с Запада, одновременно, поставляя своих студентов именно туда.

Одним из путей решения этой проблемы, например, является облегчение адаптации иностранных граждан, так как вхождение в иной образ жизни, затруднение в процессе коммуникации и усвоение новых норм морали и стандартов поведения являются значительной и трудноразрешимой задачей для приезжих. Развитие программ помощи иностранным гражданам в скорейшей социализации в России могут решить эту проблему.

Таким образом, повышение привлекательности Российского образования, а именно, более качественное применение политики мягкой силы для полноценного обмена студентами с разных стран, является для России приоритетной задачей для развития, так как влечет за собой повышение уровня собственного человеческого капитала через обмен опытом, улучшением деловых связей и развитие науки.

Список литературы

1. Громов А.Д. Академическая мобильность иностранных студентов в России // «Факты образования» НИУ ВШЭ. 2016. №7. С. 2-4.
2. Карташов Г. Масштабы миграции российских студентов // Высшее образование в России. 2007. №11. С. 128-131.
3. Ковба Д.М. Фактор мобильности с точки зрения теории «Мягкой силы» // Дискурс-Пи. 2015. С. 53-55.
4. Хоконов А.А. К вопросу о значении фактора человеческий капитал в инновационном развитии страны // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. С. 76-80.

Трахтенберг Анна Давидовна,
кандидат политических наук,
Институт философии и права
Уральского отделения РАН,
г. Екатеринбург,
E-mail: cskiit@yandex.ru

Парадокс электронного правительства: есть ли отдача от затрат?

Оценка эффективности масштабных инфраструктурных проектов, связанных с использованием информационных технологий в государственном управлении, как правило, носит ограниченный характер. Как отмечено в исследовании, проведенном под руководством А. Сальводелли, используемые методы в лучшем случае позволяют оценить внутреннюю эффективность (efficiency) электронного правительства, т.е. насколько рачительно израсходованы выделенные на тот или иной проект

средства, однако практически не в состоянии дать оценки его реальной пользе (efficacy) для конечных потребителей. А. Сальводелли назвал эту ситуацию «парадоксом электронного правительства»: совершенно неясно, какова отдача от вложенных в развитие электронного правительства средств, так что его потенциал остается невыявленным.

Иными словами, существующие системы оценки эффективности превращают сам факт внедрения информационных технологий в цель внедрения и ориентированы на производителя/разработчика, а не на тех, кто пользуется этими системами.

Та же самая ориентация на производителя/разработчика, а не на потребителя/пользователя характерна и для рейтингов развития электронного правительства, оценивающих не эффективность конкретных проектов, а эффективность национальных стратегий развития электронного правительства в целом.

О том, что это действительно так, свидетельствует уже самая первая попытка сравнить страны мира по уровню развития электронного правительства, которую предпринял американский исследователь Д. Вест. В 2000 году он опубликовал аналитический отчет «Глобальное электронное правительство», основанный на анализе официальных сайтов стран мира. На основе оценки их доступности и качества услуг был составлен рейтинг стран по развитию электронного правительства. Сайты оценивались по таким характеристикам, как наличие баз данных, аудио- и видео-клипов, коммерческой рекламы (ее обнаружение означало снижение общего балла), доступности для лиц с ограниченными возможностями, уровня информационной безопасности, наличия услуг, предоставляемых он-лайн и возможности оплатить эти услуги кредитной картой, автоматического обновления и т.п. Единственное, что вообще не оценивалось – это востребованность данных сайтов гражданами, т.е. их реальная польза.

Самый влиятельный из существующих рейтингов развития электронного правительства – рейтинг развития электронного правительства Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН – вообще не предполагает учета востребованности электронных услуг и только косвенно учитывает потребность в них граждан через такой показатель как Индекс развития человеческого капитала.

В результате Индекс развития электронного правительства Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, выступая в качестве регулятора, задающего направления стратегическому планированию на национальном уровне, позволяет оценивать практики реализации электронного правительства «сами по себе», без анализа их востребованности, а только исходя из степени соответствия международным образцам «лучших практик». Ориентируясь на Индекс, национальные органы получают возможность развивать именно те направления, которые сулят наибольшее международное одобрение, при этом практически игнорируя проблемы внешней эффективности и востребованности.

Тупоногова Ксения Юрьевна,
аспирантка,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург,
E-mail: kseniap.58@gmail.com

Испанский язык как инструмент мягкой силы Мексики в США

Испанский язык приобретает все большее значение в течение последнего десятилетия. Что касается Мексики, то, по-видимому, стране не хватает четкой стратегии культурной дипломатии для продвижения испанского языка в Соединенных Штатах в качестве способа распространения своей мягкой силы.

В этой работе анализируется использование испанского языка в качестве ретроактивной стратегии, помогающей обеспечить Мексике место в «умах и сердцах американцев». Также в этой работе рассматривается влияние испанского языка в Соединенных Штатах с использованием концепции мягкой силы и культурной дипломатии. Основная предпосылка заключается в том, что Мексика постоянно не использовала испанский язык, который сейчас является вторым по важности языком в Соединенных Штатах и мире после английского, в качестве ее стратегического компонента экономических, внешнеполитических и, что более важно, межкультурных отношений. Поэтому мягкая сила – это дипломатическая стратегия, которая позитивно изменяет иностранное восприятие в пользу вашей собственной внешнеполитической повестки дня. Культурная дипломатия – это способность экспортировать культуру как способ завоевания сердец и умов иностранных людей. Мексике не хватает навыков в культурной дипломатии для содействия использованию испанского языка в качестве средства расширения ее мягкой силы, возможность, которая могла быть воспринята в 1994 году, если бы НАФТА рассматривалась как первый этап более масштабного процесса социальной, политической интеграции между тремя странами-членами. В 2002 г. министр иностранных дел Мексики заключил предварительное соглашение с Институтом Сервантеса (CI) Испании о преподавании испанского языка в Соединенных Штатах и Канаде в рамках двуязычной учебной программы.

Основное соглашение не было подписано в основном из-за институциональных и политических разногласий со стороны Мексики, таких как отсутствие координации с соответствующими субъектами (как частными, так и общественными), непредоставление необходимого финансирования для его запуска. Последствия для Мексики были двоякими: она не только упустила возможность продвигать свой национальный язык во всем мире, но, что не менее важно, возможность оказывать культурное влияние на своих основных торговых партнеров и продвигать свои интересы, используя

мягкую силу. Из-за географической близости Мексики с Канадой и США, взаимных интересов и культурных связей, Мексика обладает способностью реализовывать ретроспективную стратегию мягкой силы, заявляя о себе как о лидере в преподавании испанского языка в Соединенных Штатах в рамках двуязычной учебной программы.

Уланова Галина Владимировна,
Ассистент,
Калмыцкий государственный
университет им. Б.Б. Городовикова,
г. Элиста,
E-mail: kekeeva_galina@mail.ru

**Наука и образование как ресурсы мягкой силы в контексте
международного сотрудничества (на примере деятельности Калмыцкого
государственного университета)**

Калмыцкий государственный университет сегодня – это единственный государственный вуз в Республике Калмыкия, представляющий собой классический университет, который традиционно решает актуальные задачи, как федерального, так и регионального уровня в образовательной, научной, и социокультурной сферах. Исторически сложившееся уникальное евразийское географическое и геополитическое положение региона, связанное с «солнечным сплетением Евразии», позволяет КалмГУ стать своеобразным научным и образовательным посредником или медиатором между научно-образовательными центрами Европы и Азии, соединяя достижения и ценности Запада и Востока.

Сегодня Калмыцкий государственный университет является одним из активных участников процесса интеграции российских вузов в мировое образовательное и научное пространство. Он постоянно поддерживает и развивает сотрудничество с зарубежными вузами и научно-исследовательскими центрами, осуществляя различные международные научные и образовательные проекты. КалмГУ входит в Ассоциацию университетов Прикаспийских государств.

Тесные связи Калмыцкий государственный университет имеет с вузами и научными институтами Монголии. В университете созданы и активно функционируют: Международный научный центр «Культурное наследие монгольских народов» и Научный центр монголоведных и алтаистических исследований. Традиционным партнером КалмГУ являются вузы Китайской Народной Республики Университетом, в частности Университет Внутренней Монголии. В соответствии с соглашением между Калмыцким университетом и Штаб-квартирой Институтов Конфуция в ноябре 2007 г. на базе университета был создан Института Конфуция, который занимается

популяризацией китайского языка и культуры.

Хорошие связи у Калмыцкого государственного университета с вузами Казахстана, в частности с Атырауским госуниверситетом им. Х. Досмухамедова. Калмыцкий университет принимает также активное участие в реализации международного проекта по программе Европейского союза «Темпус» «Пищевая безопасность, производство и маркетинг традиционных продуктов питания».

Для организации международного образовательного и научного сотрудничества и продвижении позитивного имиджа КалмГУ университет активно использует исторически сложившиеся культурные и религиозные связи Калмыкии со странами буддийского Востоком. Имеющиеся в Калмыцком университете научно-педагогические кадры и хорошая научно-исследовательская база в области монголоведения, синологии и буддологии позволяют надеяться на превращение КалмГУ в крупнейший в России востоковедный центр, что полностью согласуется с внешней политикой России.

Успенских Тамара Александровна,

студентка,

Уральский федеральный университет

имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,

г. Екатеринбург,

E-mail: t_uspenskih@mail.ru

Культурная политика ЕС в Средиземноморье: пример эффективности?

8 июня 2016 г. ЕС принял новую Стратегию для международных культурных отношений. По словам Ф. Могерини, Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности, культура - это мощный инструмент, создающий мост между людьми, прежде всего молодыми, и укрепляющий взаимопонимание [1]. Согласно Стратегии, именно культура становится в основу внешней политики ЕС.

Абсолютным лидером по ориентации направленности культурных программ ЕС выступает Средиземноморский регион. Его включенность в многочисленные культурные программы Евросоюза обеспечивается его включенностью в различные программы европейского сотрудничества с третьими странами: регион является южным направлением Европейской политики безопасности, а также частью Евро-средиземноморского партнерства, в рамках которого был создан Союз для Средиземноморья.

Анализируя существующие на сегодняшний день культурные программы ЕС в этой сфере, можно говорить о том, что в средиземноморском направлении своей культурной политики Евросоюз делает упор на образование и молодежь, как на ту социальную группу,

которая может изменить будущее Средиземноморских стран, если правильно ее воспитать. Что касается целей, то одними из первоочередных выступают сохранение культурного наследия, а также избавление от сложившихся в восприятии друг друга стереотипов и предрассудков.

В то же время, обратившись к анализу новостных статей для оценки эффективности прописанных на бумаге культурных программ, можно увидеть, что плоды такой политики еще не успели «созреть», их еще просто нет, так как еще нечего анализировать и нечего освещать. К этому выводу подталкивает и то, что в марте 2017 г. на прошедших в рамках ЕС конференции «Будущее Европы» и форуме «Гражданский диалог» было предложено акцентировать внимание на достижениях ЕС в той или иной области политики при освещении новостей о нем [2]. Исходя из этого, отсутствие потока новостей о культурной политике ЕС в Средиземноморье в лентах информационных агентств говорит о том, что достижений в этой области политики ЕС пока нет.

Однако может ли она в принципе быть эффективной, учитывая большое количество существующих культурных программ, функции которых часто пересекаются между собой и которые зачастую имеют ввиду одни и те же цели?

Список литературы

1. A new strategy to put culture at the heart of EU international relations// European External Action Service[Official Website]. 2016. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-16-2074_en.htm (accessed:18.04.2018).
2. Табаринцева-Романова К.М. Эволюционные изменения концептов: «мягкая сила», культурная политика и внешнеполитический имидж // Алтайская школа политических исследований (АШПИ). 2017. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=4124> (дата обращения: 18.11.2017).

Харланова Юлия Викторовна,

кандидат педагогических наук,
Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого,
г. Тула,
E-mail: psytu@yandex.ru

Высшее образование в России как ресурс мягкой силы в контексте мобильности

Современная система международных отношений между государствами заставляет их лидеров развивать дипломатические связи, состоящие в использовании «не силовых» методов воздействия друг на друга. Таким тенденциям способствуют различные факторы, среди которых,

например, деятельность международных организаций, направленная на поддержание мира и порядка в мире. В результате, в XXI веке активность многих государств направлена на развитие и эффективное использование именно «мягкой силы» с целью реализации своих внешнеполитических стратегий.

Ключевыми трудами, посвященными определению и описанию концепции «мягкой силы» являются работы профессора Гарвардского университета Джозефа Сэмюэла Най-младшего. Он даёт определение «мягкой силы» как способности государства достичь желаемого не путем принуждения, а с помощью убеждения, основанного на привлекательности внешней политики, культуры и национальных ценностей. Дж. Най писал, что «мягкая сила» более сложна в использовании в международных отношениях по сравнению с военной силой или экономическими мерами, так как основные её ресурсы находятся вне контроля государства. Так основными авторами мягкой силы могут быть не только государственные органы, но и некоммерческие организации, общественные фонды, и даже отдельные личности.

Высшее образование является одним из ресурсов мягкой силы в рамках международных отношений России с другими странами. Например, включение иностранцев в систему российского высшего образования является показателем российского влияния и важности её науки и образовательной системы с позиции международных отношений.

Ключевыми государственными центрами в России по международному сотрудничеству в области высшего образования являются Федеральное агентство Россотрудничество и Министерство образования и науки, находящееся в его ведомстве Федеральное агентство по образованию. В рамках «Концепции продвижения российского образования на базе представительств Россотрудничества за рубежом» одним из ограничений реализации потенциала России как экспортера высшего образования виделось отсутствие единого координирующего центра, способного оказать поддержку российским организациям в продвижении своих научно-образовательных услуг за рубежом. Именно поэтому с 2008 года существует Россотрудничество, которое является основным государственным координатором международного сотрудничества в области образования, имея представительства в зарубежных странах. В упомянутой концепции отмечено, что Россотрудничество реализует «важнейшие внешнеполитические задачи, направленные на укрепление «мягкой силы» и международного престижа России, в сфере продвижения и закрепления позиций российского образования и русского языка за рубежом».

После анализа различных государственных докладов можно выявить основные формы реализации международного сотрудничества в области образования, осуществляемые российскими центрами за рубежом. Это форум ректоров, международная конференция, съезд учителей, международная

образовательная выставка, олимпиада («Время учиться в России!»), форум иностранных выпускников российских вузов.

Хорошкевич Наталья Геннадьевна,
кандидат социологических наук, доцент,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н.Ельцина,
г. Екатеринбург,
E-mail: natali.khoroshckewitch@yandex.ru

Кунгурцева Светлана Александровна,
студентка,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Полевской,
E-mail: Stay.95@mail.ru

**Совершенствование законодательства об опеке и попечительстве
над несовершеннолетними гражданами в России
в контексте исторического развития общества**

В настоящее время в европейских странах, США, а также и в России стала особенно актуальны идеи построения социального государства, сервисного государства и т.д. В этой связи сегодня в нашей стране стало больше уделяться внимания оказанию государством услуг населению. Одним из таких направлений является деятельность органов государственной власти в сфере опеки и попечительства над несовершеннолетними гражданами. Работа государственных органов власти всегда регламентируется нормативно-правовыми актами. И то, насколько они эффективны, своевременно приняты, четко соблюдаются, зависит осуществление государственной политики в обществе.

Авторы данной работы – сторонники теорий линейного развития общества. Согласно последним, общество развивается в прогрессивную сторону. Сегодня Россия пытается построить постиндустриальное общество, где лучше всего в сравнении с предыдущими типами общества (если следовать типологии обществ по Д. Беллу), имеют место условия для развития идей социального государства, публичного управления, т.е. воплощения идеи – общество для человека.

Развитие права всегда шло в русле исторического развития общества, отражало и закрепляло наиболее важные общественные отношения. Как известно, правовая сфера развивалась в сторону расширения спектра прав человека. Это касается развития права во всех сферах, в том числе и опеки и попечительства. А также в связи с ускорением исторического процесса,

темпа жизни общества наиболее важные события в обществе возникали и протекали быстрее. В правовой сфере также уменьшались временные промежутки между принятием тех или иных наиболее важных нормативно-правовых актов.

Если проанализировать нормативно-правовые акты, действовавшие на территории современной РФ, еще начиная со времени Киевской Руси (Русская правда 1016 г., Указ о единонаследии 1714 г., Инструкции о магистратах 1724 г., Указ «Учреждения для управления губерний», Брачный, Семейный Кодексы и Опекунское право в СССР, Конституцию РФ 1993 г., Гражданский кодекс РФ 1994 г., Семейный кодекс РФ 1995 г., ФЗ «Об опеке и попечительстве» 2008 г., то можно отметить такие особенности развития взаимоотношений в сфере опеки и попечительства:

- временные промежутки между принятием нормативно-правовых актов об опеке и попечительстве несовершеннолетних на территории России постоянно уменьшались, т.е. увеличивались темпы принятия нормативно-правовых актов;

- в ходе исторического развития возросла численность этих нормативно-правовых актов, регулирующих отношения опеки и попечительства;

- расширялся круг требований к опекуну(попечителю);

- процесс опеки (попечительства) все более законодательно регламентировался;

- законодательство постоянно развивалось в сторону расширения прав опекаемого;

В настоящее время законодательство об опеке и попечительстве несовершеннолетних граждан в РФ достаточно обширное, носит не кодифицированный характер, его основная цель – создание наиболее благоприятных условий для лиц, находящихся под опекой и попечительством.

Цуканов Леонид Вячеславович,
студент,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург,
E-mail: Leon.tsukanov@mail.ru

Научная мобильность в связях КНР – ЕС: проблемы и перспективы

В настоящее время КНР уделяет большое внимание повышению научной мобильности и взаимодействию с другими странами в сфере науки и образования. В данной работе рассматривается место этого направления в

связях КНР с Европейским союзом, особенности и проблемы сотрудничества.

В политике китайского руководства последних десятилетий прослеживается четкий курс на развитие научной мобильности. КНР работает как над заимствованием зарубежных технологий и созданием благоприятных условий для приглашения иностранных специалистов, так и над развитием своих научных центров, инноваций и предотвращением «утечки мозгов». На недавнем съезде Всекитайского собрания народных представителей 2018 г. эта политика была подтверждена, а именно сделан акцент на приоритетность курса на инновационное сотрудничество [1] и на «зеленый коридор» для обмена научными кадрами, о котором заявил, в частности, премьер Госсовета КНР Ли Кэцян [2].

Сотрудничество с Евросоюзом (экономическое, гуманитарное, в том числе в сфере науки и образования) является одним из приоритетов современного Китая. Правда, стороны по-разному оценивают его перспективы и решают в этом сотрудничестве разные задачи. Что касается сферы науки и научной мобильности, то в ней, несмотря на примеры успешного сотрудничества в одних проектах, например, в обменах в сфере изучения иностранных языков, студенческой мобильности, есть целый ряд разногласий в других. Главной проблемой стало несоблюдение китайской стороной прав интеллектуальной собственности и использование различных инструментов шпионажа.

В целом, можно сказать, что каждая сторона в сотрудничестве КНР–ЕС решает свои задачи, и процесс развивается, но проблемы, с которыми сталкиваются стороны, необходимо изучать и обсуждать, в том числе для того, чтобы другие государства в аналогичной ситуации могли также избежать типичных ошибок и защитить свои интересы.

Список литературы

1. Ли Кэцян. Выдержки из речи // Международное радио Китая (блог радиостанции на русском языке). 2018. 5 марта. URL: https://vk.com/cri_rus?w=wall-29233152_47942 (дата обращения: 11.03.2018).
2. 十三届人大一次会议举行第二次全体会议 // Газета «Жэньминьжибао». 2018. 10 марта. URL: <http://lianghui.people.com.cn/2018npc/n1/2018/0310/c417507-29859359.html> (дата обращения: 10.03.2018).

Шаяхметова Ирина Зуфаровна,

доцент,

Башкирский государственный университет,

г. Уфа,

E-mail: irina_shayakhmetova@mail.ru

Государственное регулирование миграции как ограничение мобильности населения в СССР в 1920 – 1930-е гг. (на примере Южного Урала)

Государство ограничивало мобильность населения после 1929 г. путем введения системы социального контроля и репрессий, заложенных в первые годы советской власти [1, с. 25 – 48]. Были организованы добровольно-плановые трудовые миграции. Они напоминали реализацию столыпинской аграрной реформы, но в несколько ином контексте. П.А. Столыпин обозначил курс на экономическое освобождение общинных крестьян, а статус трудовых мигрантов по оргнабору имел тенденцию к их закреплению и определенному изолированию от своей среды. Свобода таких мигрантов была ограничена и пропиской, и условиями заключения договоров с государством. Так, в 1931 – 1932 гг. вербовалась рабочая сила на Магнитогорский металлургический комбинат [3, л. 171]. Оргнаборы осуществлялись и на другие промышленные объекты городов Южного Урала.

Города в СССР в результате сосредоточения рабочего класса должны были стать социальной опорой партии. До 1932 г. они были открыты для сельских жителей. Предполагалось, что именно в городах вчерашние крестьяне смогут превратиться в настоящих пролетариев. Однако огромный приток сельских мигрантов в советские города привел к обострению жилищной проблемы, нехватке объектов социальной инфраструктуры и т.п. Остро стояла проблема снабжения населения городов, бывшие сельские жители сами обеспечивали себя продуктами питания. В связи с этим государство в 1932 г. установило строгий паспортный режим и прописку, тем самым, пытаясь искусственно притормозить урбанизацию, особенно рост крупных городов [2, с. 257 – 276].

Таким образом, в соответствии с принципами планового государственного распределения рабочей силы население закреплялось за местом проживания. Вся жизнь, деятельность и быт граждан должны были быть изменены, чтобы соответствовать задачам строительства социализма [4, с. 153 – 164]. Быт устраивался на началах коллективизма, для того чтобы новые горожане максимально выкладывались на производстве. Поощрялось проживание в общежитиях и коммунальных квартирах. В результате города стали поселениями при промышленных предприятиях.

Список литературы

1. Колосов В.А., Полян П.М. Ограничение территориальной мобильности и конструирование пространства от сталинской эпохи до наших дней // Режимные люди в СССР. М.: РОССПЭН, 2009. С. 25-48.
2. Муан Н. Внутрисоюзные границы гражданственности: территориальное выражение дискриминации в Советском Союзе через

паспортную систему // Режимные люди в СССР. М.: РОССПЭН, 2009. С. 257-276.

3. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. 234. Оп. 1. Д. 57. Л. 171.

4. Сенявский А.С. Российская урбанизация: некоторые историко-методологические проблемы // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М.: «Наука», 1999. С. 153-164.

Шибаршина Светлана Викторовна,
кандидат философских наук,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород,
E-mail: svet.shib@gmail.com

Научные социальные онлайн-сети в контексте «цифровой мобильности»¹

В данном исследовании предпринимается попытка описания трансформации научной коммуникации в контексте цифровой мобильности, которая исследуется на примере социальных онлайн-сетей для ученых, где последние предстают как трансформированные акторы с новыми ситуативными коммуникативными возможностями. Отмечается, что вторая половина XX века – XXI век – это время преобразования всех сфер человеческого мира под влиянием научно-технического прогресса, а также усиления коллективной составляющей науки (teamscience и т.п.). Исследователями современный мир также рассматривается через призму концепции «текущей современности» З. Баумана; ускоряющихся мобильностей или «мобильного поворота» (Д. Урри); сетевого общества (М. Кастельс); «детерриториализации» и «номадологии» (Делез, Гваттари) и т.п.

Указанные оптики неоднократно использовались для описания и интерпретации социальных и пр. трансформаций в различных областях человеческой деятельности. Несколько менее изучены в данном отношении изменения в сфере научной коммуникации, а также их влияния на проведение и результаты научных исследований. Появление и развитие разного рода виртуальных сетевых сообществ неизбежно меняют очертания, структуру и, по всей видимости, отчасти преобразуют сущность научной коммуникации и коллаборации. В последние десятилетия XX века отмечалось возвышение лаборатории как отправной точки научно-технического прогресса [4]; в рамках процессов глобализации усиливается междисциплинарное и международное взаимодействие, нарастает

¹ Исследование выполнено по гранту РНФ № 18-18-00238, «Негумбольтовские зоны обмена: идея и проект новой научной инфраструктуры».

академическая и научно-исследовательская мобильность. В 2000-х гг. британский социолог Джон Урри разрабатывает концепцию «мобильностей», включающую, помимо прочего, виртуальные перемещения людей и идей, а также коммуникационные перемещения (взаимодействия с другим людьми посредством информационно-коммуникационных технологий), порождающие феномен коммуникации «здесь-и-сейчас», которая, в свою очередь, делает возможной коммуникативную трансгрессию как способность индивида и социальных групп преодолевать пространственные, темпоральные, культурные, информационные и другие барьеры.

Параллельно этому развивается концепция «сети» как новой оптики описания социальных взаимодействий. Сеть характеризуют как горизонтальную структуру, противопоставляемую иерархическим связям, и признают преобладающим типом связей в децентрализованном социальном пространстве [6]. Благодаря физической мобильности ученые значительно расширяют сеть профессиональных контактов; цифровая же мобильность теоретически позволяет сделать ее поистине глобальной. Помимо специализированных научных и академических онлайн-сообществ, таких как Academia.edu, ResearchGate, Mendeley и др., формируются глобальные онлайн-сети сотрудничества (collaborationnetwork) наподобие InnoCentive, созданной для облегчения взаимодействия между бизнес-компаниями, ищущими инновационные решения тех или иных научно-технологических проблем, с одной стороны, и учеными, инженерами и предпринимателями – с другой.

Таким образом, одним из преимуществ виртуально-сетевых форм организации научной коммуникации является сама сеть. Назовем некоторые основные атрибутивные особенности социальных сетей: коммуникация «здесь-и-сейчас»; открытый доступ к информации и ее оценке (комментарии, дискуссии, «открытые рецензии» и т.д.); особые правила поведения, связанные, с одной стороны, с технической спецификой Интернет-коммуникации, и, с другой – Интернет-этикой; мультикультурность (взаимодействие между представителями различных культур). Все это порождает новый тип коммуникативной свободы, когда пользователь сети переходит границы прежде устойчивых социальных связей и отношений, обходя оффлайновые барьеры и официальную иерархию – в итоге можно говорить о коммуникативной трансгрессии, которая в Интернет-пространстве происходит быстрее и интенсивнее. Научные социальные сети способствуют также мобильности идей, подходов, методов, технологий и т.д. Пример реализации онлайн сотрудничества приводится Р. Ноорденом: международный проект в области микробиологии был реализован исключительно в сети, без встречи офлайн, обойдя барьеры и официальную иерархию [6]. В целом, следует отметить, что потенциал подобных сетей актуализируется на всех этапах научно-исследовательского цикла – от идентификации новой научной проблемы до диссеминации полученных результатов (причем на различной стадии их обработки и анализа).

Все это порождает неизбежный вопрос: могут ли научные онлайн-сети в перспективе заменить физическое, «лицом-к-лицу» сотрудничество ученых; по крайней мере, снизить физическую мобильность и увеличить цифровую? Не заменят ли они научные журналы и конференции? Для ответа на данный вопрос, на наш взгляд, требуется, во-первых, проведение долгосрочных комплексных исследований, включающих своего рода «футурологическое» моделирование научной коммуникации. Во-вторых, говоря словами М. Кастельса, «интернет представляет собой весьма гибкую технологию ... способную вызвать целый ряд социальных последствий, обнаруживаемых *опытным путем*, а не декларируемых заранее» [3]. Однако уже существуют исследования, в которых обосновывается проблематичность оценки научных онлайн-сообществ как полноценных зон обмена [5]. Необходимо помнить, что эволюция лаборатории как особой формы научной социальности и коммуникативно-междисциплинарной зоны трансфера знания потребовала весьма долгий срок [2]. Сколько времени понадобится онлайн-сообществам для превращения в новую зону научного обмена? С другой стороны, нельзя не признать, что случаи удаленного сотрудничества, инициированного научными сетями, имеют место быть, в том числе, ситуации полностью удаленного междисциплинарного сотрудничества. Как нам представляется, помимо дальнейших эмпирических исследований будущего научной коммуникации, перед нами также стоит задача иного порядка – выбор или создание адекватной исследовательской оптики, возможно, комплексной, позволяющей описывать и интерпретировать научные коммуникации в сети Интернет.

Список литературы

1. Аникин Д. А. Сетевые основания социальной памяти // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 129-134.
2. Касавин И.Т. Социальная философия науки и коллективная эпистемология. М.: Издательство «Весь мир», 2016. 264 с.
3. Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.
4. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / пер. с англ. К. Федоровой; науч. ред. С. Миляева. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.
5. Масланов Е.В. Онлайн «зоны обмена»: к постановке вопроса // Философия науки и техники в России: вызовы информационных технологий: сборник научных статей / М-во образ. и науки РФ, Вологод. гос. ун-т. Вологда: ВоГУ, 2017. С. 180-183.
6. Noorden R. Online collaboration: Scientists and the social network // Nature. 2014. Vol. 5. 12. № 7513. P. 126-129

Шульга Даниил Петрович,
Преподаватель,
Сибирский институт управления РАНХиГС,
г. Новосибирск,
E-mail: alkaddafa@gmail.com

**Гибкая сила в раннесредневековом Китае
(по материалам трактата «Вертоград полководца»)**

В современной гуманитарном знании концепция «soft power» (мы предпочитаем переводить это сочетание как «гибкая сила») нередко подается как нечто появившееся только в XX–XXI вв. Между тем, не прямое воздействие на врага имело место в политической жизни Китая, Персии, Рима и других государств. В настоящей работе мы проанализируем фрагмент впервые в России переведенного нами китайского трактата «Вертоград полководца» (традиционно приписывается деятелю сер. III в. н.э. Чжугэ Ляну), в котором повествуется о чрезвычайно мобильных кочевниках-северянах и отношениях с ними. «Народы севера не живут оседло, они кочуют в поисках воды и трав, это способствует их набегам на юг. Ответные походы на север затруднены, ибо там горные хребты и пустыни, которые дают возможность для обороны. Для пропитания охотятся и пьют молоко, от холода их защищает кожаная одежда на меху, они стреляют в зверя на скаку, и этим добывают средства к существованию. Им никак не привить законы морали, победить их с помощью армии невозможно.

Империя Хань не боролась с ними, на то есть три причины: ханьские солдаты являлись и воинами, и землепашцами, от этого становясь усталыми и робкими. Народы севера приходили для выпаса скота и охоты, они были оживлёнными и смелыми. Это первая причина отказа от боевых действий. Солдаты Хань были выносливы, могли проходить сотню *ли* в день, но северные народы использовали лошадей, что позволяло им преодолевать расстояния в несколько раз быстрее. Во время походов на север ханьской армии необходимо было нести с собой провизию и снаряжение, а кочевники на лошадях преследовали, так что способы перемещения был различными, нередко избирался неправильный путь для прохода войск и т.д. Это вторая причина отказа от боевых действий. Империя Хань опиралась в основном на пехоту, а северные народы – на конницу; в поле кавалерист быстрее пешего воина, и разница между их скоростью огромна. Это третья причина отказа от боевых действий (...) Когда внутренние территории врага опустеют, надо стягивать силы, чтобы, пользуясь отсутствием войск неприятеля, нанести удар. Таким образом можно одолеть врага малыми затратами, не начиная масштабной кампании, расстроить планы противника» [1, с. 141–143].

Мы можем сделать следующие выводы: во-первых, подробно описывается быт оппонентов, но только в той плоскости, которая касается насущных внешнеполитических задач; во-вторых, прямо указывается на

нежелательность прямого военного воздействия на мобильных в хозяйственном и военном отношении номадов; в-третьих, окончательным советом является «расстроить планы противника», т.е. акцент делается на дипломатию и «гибкую силу», что подтверждается и политической практикой раннесредневекового Китая.

Список литературы

Чжугэ Лян. Чжугэ Лян биншу [Военная книга ЧжугэЛяна]. Пекин: Яньшаньчубаньшэ, 2008. 322 с.

Шушакова Вероника Сергеевна,

студентка,

Уральский институт управления - филиал РАНХиГС,

г. Екатеринбург,

E-mail: Shushakova98@mail.ru

Международные коммуникации: факторы мобильности в контексте мягкой силы

В настоящее время глобализация все больше набирает обороты, происходит активная интеграция стран в мировое культурное пространство. Российская Федерация не остается в стороне и также оказывается вовлеченной в данный процесс. В первую очередь это проявляется благодаря международным коммуникациям, где большое внимание уделяется мобильности и миграции в контексте мягкой силы.

Профессор Гарвардского университета Дж. Най считает, что главная сила государства - достигать желаемого не при помощи военного могущества, а благодаря духовной культуре, общественным и политическим принципам, качеству проводимой политики, что определяется понятием «мягкая сила». Далее следует рассмотреть такое междисциплинарное понятие как мобильность. Чаще всего ее рассматривают как социальный феномен, выделяя такие виды мобильности как социальная, профессиональная, социокультурная, культурная, академическая и другие. Однако при рассмотрении мобильности в системе международного сотрудничества наибольшее внимание следует уделить миграции в различных сферах общественной жизни.

Так, согласно «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.) основными направлениями развития международных отношений являются: академическая мобильность, образовательная (учебная) и трудовая миграция. Российская Федерация в рамках данной политики, прежде всего, заключает международные соглашения, способствующие притоку иностранных инвестиций в РФ; содействует

миграции с целью получения или продолжения образования; стимулирует переселение в Россию соотечественников, проживающих за рубежом, эмигрантов и отдельных категорий иностранных граждан; а также создает условия для трудоустройства иностранных граждан.

Все эти действия помогают развитию международной коммуникации, обмену опытом и новыми идеями в научной и преподавательской деятельности, способствуют привлечению профессионально – квалификационной иностранной рабочей силы, что в свою очередь отражается на социально-экономическом и демографическом развитии Российской Федерации, приводит к накоплению человеческого капитала, обеспечивающего экономический рост и благосостояние России.

Юнгус Галина Андреевна,

аспирант,

Тихоокеанский государственный университет,

г. Хабаровск,

E-mail: galina_vyazova_@mail.ru

Мобильный переход от конфликта к солидарности: урегулирование конфликта посредством медиации

В социальном общении подчас стоит проблема мобильного перехода от конфликта к солидарности в спорах, возникает интерес к коммуникативным технологиям позволяющим превратить противника в партнера в ходе диалога сторон, не затягивая спор и противостояние сторон на продолжительное время. Рассматривается социальный философский аспект медиативного метода ведения примирительного дискурса. Представляет интерес социально-философский анализ мобильности в диалоговом общении по предмету примирения в конфликтной ситуации и восстановления социального доверия между сторонами конфликта. Конфликт в качестве предмета философского дискурса освещался в трудах Т. Гоббса, Г. Гегеля, И. Канта, Ф. Достоевского и К. Маркса. Очевидно, что поиск компромисса в конфликтных ситуациях подразумевает обращение к нравственным теориям.

Цель исследования - рассмотреть мобильность перехода от разногласий к солидарности по предмету спора оппонирующими сторонами при применении медиации для урегулирования конфликта.

Примирительный дискурс предполагает несколько этапов восстановления отношений для формирования социального доверия между собеседниками на каждом шаге диалога сторон. Рассмотрим условный алгоритм мобильного перехода от конфликта к солидарности (рис. 1).

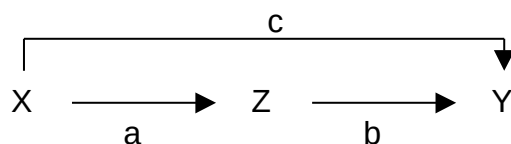

Рис. 1. Алгоритм примирительного дискурса медиации

Шаг 1. Проведение первичного этапа примирительного дискурса сторон, от первоначального состояния конфликта X (условно характеризуется низким уровнем социальной интеграции и разобщённостью участников конфликта); диагностируется готовность сторон конфликта к диалогу и примирительному дискурсу.

Шаг 2. Проведение этапа восстановительного диалога примирения с вероятностью нахождения общих интересов для формирования промежуточного результата медиации (Z), по заданному пути промежуточного этапа диалога сторон – а (рис.1). В рамках промежуточного результата появляются возможности для заключения предварительных соглашений, например, меморандума о взаимопонимании (промежуточного); документально фиксируется взаимопонимание сторон. В диалоге сторон учитывается промежуточный результат медиативной стратегии от конфликта к солидарности сторон конфликта, достигнутый в рамках примирительного диалога, в частности в рамках восстановительной беседы, условно обозначенный Z.

Шаг 3. Если первоначальная стратегия переговоров позволяет быстро достичь промежуточного эффекта (Z), тогда значительно расширяется мобильность диалога и быстрый переход от противостояния к сотрудничеству, формирования доверия между оппонирующими сторонами в конфликте, происходит формирование взаимопонимания сторон, создается пространство для доверия и солидарности в рамках компромисса сторон. Если промежуточный этап примирительного диалога затягивается, то затягивается переход на путь b – от промежуточного примирения к согласию и заключению медиативного соглашения в ходе диалога (рис.1).

Шаг 4. Планируется переход на уровень полного примирения и согласия сторон с достижением согласия и заключением медиативного соглашения (Y).

Основное направление деятельности посредника сосредоточено на контролировании открытого дискурса между сторонами, ключевыми элементами которого является мобильности поддержания диалога и разработка альтернативных предложений. Принципы ведения переговоров, как и медиативные технологии, одинаково работают на разных социальных уровнях - от межличностного до межгруппового, а также распространяются на различные социальные сферы: семейную, образовательную и т.д. Следует заметить, что каждый из представленных аспектов введения примирительного дискурса содержит множество практических технологий,

рассчитанных на различный спектр социальных конфликтов, анализ которых выходит за рамки данной исследования.

Ямщикова Владислава Анатольевна,
студентка,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург,
E-mail: igogoleva.vlada.gogoleva@gmail.com

Пьемонте в климатической дипломатии. Участие Турина в Стратегии устойчивого развития ЕС. Проект Life DERRIS

Комиссия Брундтланда определяет устойчивое развитие как «развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, не подрывая способности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности». Таким образом, Концепция устойчивого развития концентрирует свое внимание на взаимодействии и взаимосвязи структур в треугольнике «Экология – Экономика – Социум».

Государства и отдельные их регионы выступают акторами в продвижении проектов по всем трем направлениям, в частности в продвижении проектов по решению глобальных экологических проблем. Италия не стала исключением. Турин, среди итальянских городов, является одним из самых активных центров в процессе, направленном на подготовку плана адаптации. В частности, в рамках европейского проекта Life DERRIS, родившегося три года назад, для развития государственно-частного партнерства в определении стратегии борьбы с рисками атмосферных явлений, возникающих в результате перегрева планеты.

По оценкам, 90% МСБ, которые прерывают на период более одной недели, в течение года закрываются. И за последние пять лет 22 000 компаний пострадали из-за землетрясений и гидрогеологической нестабильности; кроме того, на настоящий момент около 800 000 компаний расположены в районах гидрогеологической нестабильности, но им не хватает инструментов для борьбы и оценки этих рисков. Муниципальная администрация решила действовать в шести территориальных районах на севере города с высоким присутствием МСБ, где она определила тридцать компаний и разработала план написания с ними «Плана адаптации».

Проект предоставил возможность провести первоначальный анализ уязвимости, в котором было показано, как на территории влияют важные климатические изменения: засухи, увеличение количества осадков, их интенсивности и чрезвычайных явлений.

Научное электронное издание

МОБИЛЬНОСТЬ КАК ИЗМЕРЕНИЕ МЯГКОЙ СИЛЫ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ДИСКУРС: материалы Всероссийской научно-практической молодежной конференции (Екатеринбург, 17 октября 2018). Научное электронное издание / Ред. О.Ф. Русакова, Д.М. Ковба — Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2018. – 110 с.

ISBN 978-5-98728-045-4

Подписано в печать 08.10.2018.

Формат 60х84 1/16.

Гарнитура Times.

Усл. печ. л. 5,9.

Тираж 100 экз.

Издательский дом «Дискурс-Пи»

Оформление и запись на CD В.В. Русаков

Корректор Е.Г. Грибовод

Компьютерная верстка В.М. Русаков

Тираж 100 экз.